

детективная мелодрама

Талина РОМАНОВА

*Рыцарь
чужой мечты*

Галина Владимировна Романова

Рыцарь чужой мечты

Серия «Детективная мелодрама»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167401
Рыцарь чужой мечты: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-26600-5*

Аннотация

Ирина уже давно жила со Стасом по инерции. Как говорится, любовь прошла – семья осталась. А тут, случайно столкнувшись с мужчиной из соседнего дома, услышала, что тот любит ее всю свою жизнь. Приятно, слов нет! Правда, Ирине было совсем не до воздыхателя. Внезапно умер муж ее лучшей подруги Наташки. Причем вслед за ребенком. Убитая горем женщина пустилась во все тяжкие, и вскоре ее нашли мертвой. В предсмертной записке Наташа призналась, что сама отравила мужа. Но правоохранительные органы в это не поверили. А вскоре милиция заинтересовалась Ириной, так как по завещанию все имущество Натальи досталось подруге...

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины

Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	33
Глава 5	50
Глава 6	63
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Галина Романова

Рыцарь чужой мечты

*Все герои и действия вымышлены,
любое сходство является совпадением.*

Автор

Глава 1

С утра мозг заела дребедень из старого мультфильма. Ну просто выдолбила в голове громадные дырки.

– Надоело! – гнусавил лягушонок-сын в том самом мультике про Дюймовочку.

– Что надоело? – задавалась вопросом его лягушачья мамаша.

– Все надоело! – квакал в ответ сынок.

Вот-вот, и ему тоже все надоело. Ну просто до такой степени все надоело, что иногда в своем злом отчаянии – грех признаваться – он желал зла всему человечеству.

– Так ляг, поспи! – советовала мамаша.

– Не хочу спать! Надоело!

– Тогда иди учиться, – все еще пыталась она вразумить свое дитя.

Он выучиться успел. Успел до того, как все обрыдло. И диплому радовался, и образованию, будто это могло иметь

значение.

– Не хочу учиться! – вопил мультяшный лягушонок. – Хочу жениться!..

Жениться он уже не хотел. Успел в свое время. Женился. Попробовал зажить со своей женой долго и счастливо. Не получилось – развелся. Добавил к собственной тягостной скуке еще и стойкое неприязненное отношение к браку, только и всего.

Пора было задаваться риторическим вопросом: что делать?!

Хотя ведь задавался, и не раз. Беда! Ответа не было.

Друзья пожимали плечами, не понимая, что он вообще хочет от жизни, ведь все вроде сложилось, чего еще. А отец...

Отец его, кажется, ненавидел. Так тоже бывает иногда.

Александр остановился возле подъезда и с тоской оглядел двор. Здесь прошло его детство, плавно миновало отрочество, проскочила незамеченной юность и грозилась нагрянуть старость.

А что? Так ведь, наверное, все и произойдет. Он будет день за днем шлепать по утрам на нелюбимую работу. Вечерами возвращаться усталый, злой и опустошенный. Станет садиться за обеденный стол, жрать нехитрый холостяцкий ужин из пельменей и бутербродов с колбасой, выпивать бутылку пива и дремать перед телевизором. Перспективно, нечего сказать. Но ведь так все и будет. Так прожил жизнь его отец. Так проживет и он.

– Здравствуй, Саня. – Арина Валерьяновна, что жила в квартире напротив, с осуждением посмотрела на его вытянувшуюся футболку и не вполне свежие джинсы. – Как папа?

– Папа? Нормально, – пробурчал он, забыв поздороваться с дотошной теткой.

– Слышала, вы опять скандалили? – Старая перечница осуждающе поджала тонкие выцветшие губы.

– Да? – Он неумело изобразил недоумение и покачал головой. – Да вроде нет.

– Как же нет, если Степан Александрович снова кричал! – возмутилась та, не собираясь отставать. – Нельзя так, Саня! Нельзя! Он старый человек и требует снисходительного к себе отношения, а ты...

– Что я? – Александр отвернулся.

Он всегда теперь от нее отворачивался, хотя раньше бывали моменты, когда находил в общении с соседкой утешение.

– А ты грубишь ему. – Арина Валерьяновна слегка повысила голос. – Он болен, стар, одинок и... И говорить с ним ты не можешь в подобном тоне!

А как он должен говорить со старым паршивцем, который ежедневно гонит его прочь из отчего дома, интересно?! Как должен реагировать, когда родной отец выбрасывает из шкафа его вещи, приговаривая, что им место на свалке вместе с хозяином?! Должен улыбаться, делая скидку на старческий маразм, что ли?

А ему это надоело, черт возьми! Арина Валерьяновна,

между прочим, с некоторых пор тоже перекочевала в разряд дико надоевших ему людей.

– К вам приходил участковый, – порадовала его соседка.

– Да? А зачем?

– Узнай у папы, – посоветовала та и двинулась старческой семенящей походкой в сторону крохотного магазинчика, притулившегося в соседнем доме, аккуратно напротив их подъезда.

«Узнай у папы!» Что можно было у него узнать, о чем спросить, без опасения нарваться на очередной двухчасовой скандал! Нет уж, он лучше промолчит. А еще лучше – уйдет куда-нибудь вечером. Вопрос вот только – куда?

Дверь квартиры оказалась запертой изнутри на щеколду. Это отец ее навесил из-за настырного своего нежелания пускать его в квартиру. Правда, потом все равно впускал, но предварительно мог продержат его на лестничной клетке минут десять, а то и больше, переговариваясь через замочную скважину. Зрелище для алчных до сплетен соседей. Что-то сегодня?..

– Па, открой, – попросил Александр устало.

– Зачем? – поинтересовался настырный старик.

– Домой хочу.

– А есть он у тебя, дом-то, гадина?! Это мой дом! Мой!!! – тут же завопил отец.

– Пусть так, – согласился Александр, хотя опротестовать мог влегкую, имея право ровно на половину жилплощади. –

Открой, пожалуйста!

Возникла пауза, заполненная приглушенными звуками с улицы и хлопанием входных дверей этажами выше и ниже. Отец размышлял минут пять, а может, дольше. Ожидание всегда казалось Александру долгим и изнурительным. За это время он успевал обычно детально рассмотреть свою дверь, в которую до смерти матери входил безо всяких задержек, расстрескавшиеся деревянные перила лестницы, пыльное подъездное стекло и дверь квартиры напротив, где среди кружевных салфеточек прозябала в своей старости Арина Валерьяновна.

Отец отозвался совсем неожиданно и даже чуть дверь приоткрыл, предусмотрительно заблокировав ее дверной цепочкой.

– Пущу на одном условии, – вдруг выпалил он, строго глядя на сына из-под кустистых седых бровей.

– На каком? – удивился Александр.

Это было что-то новенькое. И наверняка гадкое – ни на что хорошее рассчитывать не приходилось.

– Мне это... Нужно в банк! – с вызовом воскликнул отец.

– И что? Проводить тебя туда? – Он все еще не понимал, куда клонит старый маразматик.

– И проводить тоже. И еще... – Старик пожевал полными губами, скрипнул костылем, на который опирался. – Мне нужно взять кредит в банке, нужен поручитель. Пойдешь?

– Кредит? В банке?! – удивлению не было предела. – За-

чем тебе кредит? Тебе пенсии за глаза хватает и...

– Не твое собачье дело, сыночек. – Карие глаза отца зло прищурились. – Может, я жениться хочу, во! А мне деньги на машину нужны, мой «Запорожец» сдох еще пять лет назад. Так пойдешь поручителем или нет? – И тут же, не дождав-шись его ответа, пригрозил: – Пойдешь – домой войдешь, нет – спи на лестнице!

Отец собрался жениться! Вот это был номер! Это было что-то из ряда вон выходящее, и не потому, что Александр не мог представить себе невесту отца, а потому, что не мог представить своего старика вообще рядом хоть с кем-нибудь. Поскольку тот был жаден, мелочен, сварлив и до отврати-тельного неопрятен. Кто же мог польститься на такое сокро-вище? Уж не Арина ли Валерьяновна? А что, такой вариант возможен. Неспроста же она так печется о нем, заступаетея постоянно, а Александра всякий раз гнобит за неосторожно сказанное грубое слово.

Кредит, стало быть, собрался взять на новую машину, ну-ну.

– Хорошо, – сдался он очень быстро. – Я согласен стать твоим поручителем, но у меня тоже условие.

– Какое еще?

– Со своей супругой ты здесь жить не будешь.

– И не собирался, между прочим, – фыркнул тот, обильно брызнув слюной. – Очень надо мне молодуху сюда тащить! На рыло твое любоваться день за днем! Нам, может, жить

осталось два понедельника, чего же отравлять себе сладкие дни. Ладно, входи уж...

Цепочка с лязгом была отброшена в сторону, и через мгновение Александр входил в свою квартиру. Вошел и тут же поморщился. Вонь в доме стояла непереносимая. Мало того что отец курил, где попало оставляя окурки и пепел, так еще и приготовить себе что-то сподобился. Что-то, пахнущее кислятиной и подгоревшей селедкой.

– Чего морщишься, не по нраву мой харч? – уловил старик тут же брезгливую гримасу сына. – Так тебе его и не жрать. Топай к себе и не высовывайся, чтобы глаза мои тебя не видели. Дай хоть напоследок пожить в этом хлеву спокойно.

То, что квартиру он самолично превратил в хлев, отец признавать не собирался. Во всех бедах и старческой неустроенности он всегда винил его – своего великовозрастного сына. Он, по понятиям отца, и только он должен был делать ремонт, уборку, стирку, готовку. В общем, ублажать все желания маразматика.

Конечно, он должен был, кто же спорит. И убирать, и стирать, и ухаживать за стариком, если бы...

Если бы не гнусное в ответ обращение.

В какой-то момент Александр просто не выдержал, словившись, и делать все это перестал. Перестал замечать груды старческих грязных кальсон и рубашек. Перестал мыть за отцом посуду и сметать с ковров окурки с пеплом. Перестал готовить, потому что все вдруг оказывалось невкусным,

гадким и неэкономичным.

И как только делать все это Александр перестал, отец возжелал выселить его из трехкомнатной квартиры в центре города.

– Выселю тебя, – предавался старик мечтам неоднократно. – Продам эти хоромы. Куплю себе небольшой домик в деревне, заведу бабу, скотину, все равно какую...

Александр так и не понял – отцу было безразлично, какая баба поселится рядом с ним или какая скотина встанет в стойле? Наверное, и то и другое в равной степени.

В кухне, как всегда, царил полный кавардак. На столе гурда газет. Поверх них колбасные шкурки, яичная скорлупа, очищенные наполовину огромные огурцы. Там же пепельница, дыбившаяся грудой папиросных окурков. В раковине грязные сковороды, тарелки, кастрюли. Тюлевая шторка, которую мать обычно стирала раз в неделю и тщательно утюжила, расправляя каждую складочку, была скручена жгутом и заброшена на распахнутую настежь форточку. Боковая стенка холодильника залита кетчупом, успевшим схватиться так, что не оттереть. В большой комнате наверняка было не лучше.

И как этот человек, с трудом передвигаясь на костылях, ухитрился за день выгваздать таким образом квартиру, всякий раз изумлялся Александр. Будто бы нарочно, будто бы назло, будто бы мстя за мать, при которой в доме царил образцовый порядок.

Александр открыл холодильник, достал из морозилки печатую пачку пельменей. Слава богу, цела. А то тащись снова в магазин, покупай, потом снова просись в дом. Пустая кастрюля нашлась на верхней полка в шкафу у окна, куда отец не мог дотянуться. Ее Александр намеренно прятал, чтобы было в чем приготовить.

За его манипуляциями отец наблюдал с поразительным благодушием. Таким его Александр уже давно не помнил. Потом и вовсе удивил, спросив:

– Чего не поинтересуешься, на ком я собрался жениться?

– Мне все равно. – Он пожал плечами, поднял перевернутый на бок табурет, отряхнул его и сел возле окна.

– Так уж и все равно! – не поверил папаша, громыхнул костылем, подходя поближе и заглядывая ему в лицо со спины. – Не верю, что все равно, Саня! Не верю, хоть убей!

– А мне все равно, веришь ты мне или нет. – Александр чуть подался от него в сторону – таким стойким зловонием пахнуло от отца.

– Во-во! Весь ты в этом, ублюдок! Все тебе все равно! Что отец гниет заживо в этой хате – все равно! Что ему порой жрать нечего – тебе тоже все равно!

– Па, не начинай, ладно? – попросил Александр, пристально глядя в окно на соседний дом. – Я очень устал.

– Устал! Устал он, глядите-ка! – брызнул слюной ему прямо в ухо старик. – От чего устал? От самого себя? Неудачник хренов! Ходишь на работу в глупую контору, которая

трещит по всем швам. Торчишь там с утра до вечера за компьютером, все программу мечтаешь какую-нибудь изобрести! Не получится, Саня, поверь мне. Ничего у тебя не получится.

– Почему? – равнодушно поинтересовался он.

– Потому что ты неудачник! Ты ничего не можешь и никогда не сможешь уже, никогда! Время твое ушло! Тебе сейчас уже тридцать пять, так? Так! В эти годы все твои друзья уже детям начинают сколачивать состояние, а у тебя еще и своего не сбито! Ты же ничего не имеешь и не умеешь! Только вон за чужими бабами по окнам следить!..

Александр вздрогнул, как от удара костылем по спине. Такое ведь тоже случалось – отец его, бывало, поколачивал, когда он не успевал увернуться и удар приходился неожиданным и негаданным. Сейчас тот его не ударил, но хлестнул жестоко. Уж лучше бы костылем, чем такими словами. А отцу этого только и нужно было. Он тут же вскочил на своего конька:

– Она никогда не будет твоей, никогда! Она не такая, чтобы позариться на неудачника вроде тебя! Видал, какой у нее мужик! Видный, красивый, а машина у него какая! И уж в штанах у него, поверь, есть все, чтобы сделать женщину счастливой. А ты!.. От тебя даже твоя спирохета, Лизка, и то сбежала.

Лизка не сбежала – Александр сам оставил ее. И об этом отец прекрасно знал, но он был бы не он, если бы не пере-

иначил ситуацию в свое удовольствие.

– А почему она сбежала? – продолжал тот наслаждаться его унижением. – Потому что ты ничтожество! Ты ведь... Господи, и чего мать всегда считала тебя красавцем, ума не приложу! Чего в тебе хорошего?!

Вот тут, конечно, папаша завирался.

Даже сейчас, придавленный гнетом сильнейшего равнодушия к собственной судьбе, утративший общественную значимость, Александр выглядел очень даже ничего. Высокий, русоволосый, с пронзительно голубыми глазами, унаследованными от матери. Да и мускулатура какая-никакая имела место быть. Он ведь вечерами частенько от отца в спортзал сбегал. И нередко, пожалуй, даже сверх положенного натыкался на заинтересованные взгляды представительниц слабого пола. Беда – его это мало трогало.

– А девочка-то чудо как хороша! – не унимался отец, поскрипывая правым костылем у него за спиной. – И, слышал, не очень жизнь у нее сложилась...

– Как это?! – не удержался от удивленного возгласа Александр, хотя и давал себе зарок не идти на поводу у низменных отцовских помыслов. – Ты только что сказал, что мужик у нее ого какой.

– Мужик-то ого, да толку что? – Отец медленно обошел его, сидящего на табуретке, и оперся заскорюзлыми ладонями о шершавый подоконник, не крашенный уже лет пять как. – Бабы во дворе болтали, что не сложилась у них жизнь.

– Да? Не слышал ничего подобного, – задумчиво произнес Александр скорее для себя, чем для отца.

Но тот среагировал мгновенно, тут же плюнув в его сторону:

– Да что ты можешь слышать? Что?! Ты же от ящика глаз не отрываешь! Днем в компьютер, вечером в телевизор пялишься. А жизнь твоя проходит, Саня. Поверь мне, пролетит, и не заметишь как!..

Это были, наверное, единственно мудрые и незлые его слова за долгие месяцы. Александр вскинул голову в надежде услышать от отца еще что-нибудь подобное, но тот неожиданно умолк, а потом и вовсе ушел с кухни. Через пару минут квартиру заполнил оглушительный рев телевизора. Старик всегда так смотрел его, невзирая на время суток и желание Александра отдохнуть хотя бы ночью.

Пельмени он съел безо всякого аппетита, как ел их почти всегда. Пельмени, потом жидкий недорогой чай. И снова к окну в надежде увидеть ее – желанную девочку из безвозвратно счастливого детства.

Оно счастливым было у него. Действительно счастливым и почти безоблачным. Отец почти всегда работал, дома бывал мало. Когда появлялся, сын по большей части уже спал. И отвратительный нрав отца как-то не давал о себе знать до тех самых пор, пока не умерла мать. Не стало матери – не стало и семьи. Своей создать – такой же прочной и счастливой – у Александра не получилось. Лизка оказалась немно-

го...

Или не Лизка, а он оказался не готов идти на поводу у ее капризов и капризов ее мамы, непременно желающей жить вместе с молодыми и принимать непосредственное участие в создании и укреплении их ячейки. Как пошло все не так с самого начала, так и продолжилось.

– Все они одинаковы, Сашок, – утверждали его друзья, отжившие в браках лет по пять-семь. – Ничего нового, если стол и кров один на двоих. Не тешь себя мыслью, что с кем-то может быть по-другому.

А он вот тешил. Мало того, почти верил, что у него все было бы по-другому с кем-то еще. И этой кем-то могла быть только одна – девочка из его детства. Та, что жила в доме напротив.

Он выбрался из-за стола с тяжелым сердцем. Не хотел, да вымыл всю посуду. Прибрал со стола. Неожиданно для себя подмел пол. Может, в благодарность, что отец не донимал его сегодня. Потом стащил с форточки шторку, стряхнул ее и занавесил аккуратно окно, попутно подумав, что надо бы ее выстирать. Подумал и решил вынести мусор.

– Па, я мусор вынесу, ты не запирайся, ладно? – предупредил он старика, задремавшего перед телевизором.

– Ладно, – ворчливо отозвался тот. – Ты на вторник отгул возьми. Меня во вторник в банке ждут с тобой. И документы приготовь. Паспорт там, военный билет на всякий случай. Да! И справка твоя о зарплате нужна непременно. Справка

о доходах. Возьмешь?

– Возьму, – согласился Александр.

Он бы теперь всю бухгалтерию швырнул к его ногам, лишь бы тот дремал и не скандалил попусту.

– Иди уже. – Отец чуть скосил на него хитрющие глаза и хихикнул: – Она ведь тоже в это время мусор выносит обычно. Поспеси, а то опять ее прозеваешь, красавчик!..

Мусорные контейнеры расположились далековато. Удобства в этом пенсионерам виделось мало. Приходилось идти проходным двором мимо гаражей на пустырь, это метров триста, не меньше. Но санэпиднадзор был непреклонен: нельзя располагать помойку в таком дворе, как их. Ничего, пройдетесь, для здоровья только польза.

Александр был со службами этими абсолютно солидарен. Двор был великолепен, до стерильности чист, загадить его мусором было бы кощунством.

Дворовый колодец из четырех пятиэтажных домов был почти полностью залит асфальтом, исключение составляли клумбы и детская площадка. Двор ежедневно вылизывался местным дворником дядей Толей. Он же поливал всю растительность, радующую глаз с весны до глубокой осени. Ну какие тут могут быть мусорные контейнеры! Не место им под окнами. А что ходить приходилось чуть дальше, чем хотелось бы, не беда. В этом Александр даже видел определенные удобства. Как вот сегодня, к примеру, когда он вышел из подъезда и увидел под аркой проходного подъезда до боли

знакомый и желанный силуэт.

Глава 2

Из мусорного мешка отвратительно несло затхлой рыбой. Стас вечером упивался пивом с воблой. Потом, не удосужившись замотать рыбки головы плотнее в отдельный пакет, вывалил все зловонное угощение свое в мусор, забыв, как всегда, утром отнести на помойку. Вся квартира, казалось, пропиталась этим запахом. Каждый угол ее, каждая вещь. Кажется, от волос ее – и то несло распотрошенной накануне воблой.

Ирина отставила руку, в которой несла мешок с мусором, подальше и ускорила шаг. Ей было неловко так идти. Высокие каблукы мешали, увесистая зловонная ноша раздражала, тут еще, как назло, вырыли траншею прямо на пути к мусорным контейнерам, и пришлось идти в обход.

Ну что за жизнь у нее, господи боже!!! Хоть плачь, честное слово!

С девяти утра до шести вечера она – уважаемый, обожаемый сослуживцами сотрудник. После шести – домработница, которой помывают, погоняют и давно уже не любят, кажется.

– Дорогуша, расслабься, – хохотнула в прошлую пятницу ее начальница, когда они рядышком сидели на полке в сауне. – Думаешь, я дома на другом положении?

– А что – нет? – Ирина сонно удивилась, ее всегда от тя-

желого жара клонило в сон.

– Поверь мне, нет! Будь ты хоть трижды заслуженной, хоть премьер-министром будь, та скотина, под которую ты вынуждена день за днем ложиться, никогда тебя таковой считать не станет. Ты для него подстилка – не более. Баба евоная, с которой он что хочет, то и делать будет.

– Это несправедливо, – выдохнула она осторожно, чтобы не обжечь себя своим же дыханием.

– Согласна, но изменить мир мы с тобой не в силах. Так было, так есть и так будет. В противном случае... – Начальница закатила глаза, осторожно облизнув верхнюю губу. – В противном случае ты просто обречена на одиночество. Ты ведь не хочешь остаться одна, нет? Вот именно! И я не хочу. Какой-никакой плетень, да за ним тише. Помни это, Ирка, и не ерепенься. А Стас твой...

– Что мой Стас? – подначила она начальницу, заведомо зная, что та сейчас начнет хвалить ее мужа.

Ей нравилось, когда его хвалили. Когда начинали перечислять при ней его достоинства, в истинной ценности которых она давно сомневалась. Когда приводили при ней примеры чьих-то неудавшихся браков, где и пьют, и бьют, и гуляют. Он-то не такой!

– А Стас твой такой плетень, к которому любая привалилась бы с радостью и благодарностью за то, что ей это позволили, дорогуша.

– В самом деле?

– Не нужно так удивляться, милая. – Начальница с пониманием глянула ей в самые зрачки. – Ты и сама прекрасно об этом знаешь. Вспомни Новый год. Вокруг него бабы наши вились. А он только улыбается и с тебя глаз не сводит. Радоваться должна, а не роптать. На диване он у нее лежать любит! Скажите пожалуйста, какой недостаток! А кто не любит-то? Мы бы с тобой тоже с радостью завалились бы, коли позволено было. Только нам не позволено, потому как мы с тобой бабы! Нам позволено шуршать на кухне, а потом под одеялом. Живи уж и не жалуйся. Такова жизнь семейная, такова она, проклятая. А без нее тоже худо, согласишься?..

Она и согласна была, и нет. Все вроде бы и так, но...

Но бывало ведь и по-другому. У многих причем бывало. У ее отца с матерью, к примеру. Мама могла запросто залезть с ногами на диван и втиснуть свои озябшие ступни отцу между коленок, чтобы согрел. Тот никогда не ругался, даже если и не вовремя. Ноги мамины возьмет в ладони и дуть начнет, иногда и пощекотать мог, если настрой был у обоих шаловливый. Настрой друг друга они четко ловили, вот в чем был секрет их долгого семейного счастья. А у нее со Стасом не было! Ни настроя общего, ни желания уловить его.

Вчера вот она, к примеру, притащила из ресторана мясо по-французски. Сервировала стол красиво. Свечу поставила в серебряном подсвечнике, в том самом, что дарила Стасу на первую годовщину свадьбы. Серебро столовое достала, лучшие тарелки. А он что?!

Он ввалился в квартиру с пузатым пакетом, в котором булькало пиво и щетинилась вобла. Зашел на кухню, поморщился изысканному убранству стола и тут же без лишних предисловий потребовал:

– Ты, Ириша, хрень эту всю со стола сгребь, будь другом. Я пивка попью, лады?..

Может, если бы она настояла, он и не стал бы стучать этой проклятой воблой по столу и шипеть пенным напитком, вскрывая банку за банкой. И, может, сел бы напротив и проникся бы торжественностью момента, но...

Но она тут же обиделась. Тут же сгребла все со стола вместе со скатертью и ушла к себе, засев за книгу. И просидела с ней до полуночи. Никто о ней и не вспомнил. Детей у них не было. Родители ее умерли друг за другом почти сразу после ее свадьбы. И вспомнить о ней в этот вечер было некому, а Стас мирно допил свое пиво, досмотрел сто первый по счету спортивный матч, принял душ и завалился спать. Утром ушел на работу, не озаботившись тем, что жена предпочла спать в соседней комнате на диване. И даже мусор свой не вынес. Идиллия!..

– Здравствуйте, – тихо окликнул ее кто-то со спины знакомым и в то же время чужим голосом.

Ирина повернулась и увидела мужика из дома напротив.

– Привет, – кивнула она, тут же поспешно швырнула пакет в дальний контейнер, чтобы не так обдало того тараночным зловонием, и поспешила в обратную сторону.

– Торопитесь? – вдруг с чего-то заинтересовался мужик, поспешно избавился от своего мусора и бросился за ней следом.

– Я? – Она удивленно на него оглянулась. – Вообще-то да, тороплюсь. А в чем, собственно, дело?

Дело все было в ней и ни в ком другом! В ее походке, в ее повороте головы, в том, как она смотрела и как улыбалась, правда не ему. Все дело было именно в ней, но как скажешь, если она вся тут же ошетибилась и смотрит на него, как...

Как его отец на него смотрел, черт побери! Именно так она на него теперь смотрела – как на ничего не представляющее собой существо.

– Ни в чем. – Александр пожал плечами, размахом которых мог вправде гордиться, беда, обтянуты они были пыльной, неряшливой футболкой. – Меня Александр зовут, а вас Ирина, я знаю.

– Очень приятно, – осторожно кивнула она, не понимая его жадного, пристального взгляда и совсем не находя ему никакого объяснения.

– Мусор выносили? – совершенно не к месту подметил он.

– Да что вы, нет – прогуливалась. Такое место, знаете ли! – чуть окунувшись в бывшее юношеское злоязычие, Ирина тут же расхохоталась. – Саша, вы несете вздор, не находите?

– Нахожу, – улыбнулся он, с упоением слушая ее смех. – У вас смех, Ирина...

– Какой?

Вот напало на нее неожиданное кокетство, скажите на милость! И где? На помойке! Расскажи кому – засмеют. Но изнутри будто черти толкали давно уснувший и покрывшийся мхом задор.

– Какой у меня смех, Саша?

– Потрясающий! Никогда не слышал, чтобы кто-то так мог заразительно смеяться, – выдал он ей чистейшую правду.

– О как!

Что-то такое про ее смех говорил ей прежде и Стас. Потом перестал. Потом мог коротко обронить:

– Ирка, хорош ржать!

А как все начиналось, как начиналось! И не с мусорных контейнеров дело пошло, а с охапок роз под ее балконом и дрожания гитарной струны на высоком аккорде. И черноморский курорт потом был, и счастье в белом платье в самом центре города. А закончилось все воблой, черт побери. Воблой, пивом и футбольным матчем.

– Вы, Ирина, потрясающая женщина, – проговорил не очень внятно ее собеседник.

Неожиданно для обоих сделал пару шагов, приблизившись к ней на непозволительное расстояние. Склонил голову, осторожно взял ее руку, в которой она несла зловонный пакет с мусором, и поцеловал.

– Не гигиенично, между прочим, – язвительно заметила она, ничуть не смутившись, а разозлившись на себя и на него за нелепую эту сцену. – Я в этой руке несла пакет с мусором.

– Ну и что? – Кажется, он ничего не понял.

– Ничего! Просто мне пора. Пока.

И пошла от него прочь той самой походкой, которую он никогда прежде не видел ни у кого другого. И хвост ее волос все так же по-детски метался от плеча к плечу, как тогда давным-давно в школе, когда он караулил ее на переменах, и...

– Ира! – вдруг крикнул он, охваченный неожиданным отчаянием. – А я ведь вас люблю с самого детства!

– Что?! – Она споткнулась и стояла к нему спиной какое-то время, потом обернулась и снова повторила: – Что вы только что сказали, Саша?!

– Ничего особенного. – Он пожал плечами, продолжая упиваться тем, что рассматривает ее так близко. – Я люблю вас с самой школы. Когда вы еще были девочкой. И потом любил, когда вы замуж выходили. И теперь люблю.

– Вот это да!

Ирина часто-часто заморгала, не зная, что именно надлежит в таких случаях говорить и делать. Смеяться было неуместно. Учитывая то, как именно он смотрел на нее. Смотрел ведь, прости господи, как больной совершенно.

Призывать к порядку тоже вроде было не за что. Он не сделал ей ничего дурного и, кажется, не собирался этого делать. И тогда она произнесла традиционную, единственно верную, на ее взгляд, фразу:

– Я замужем, Александр.

– Я знаю. Но ваш муж...

– Что мой муж?

Это был уже вызов, черт побери! Еще никто и никогда не отзывался в ее присутствии дурно о ее муже. Что, интересно, может сказать этот человек в неряшливых джинсах и футболке?

– Что мой муж, Саша?

– Он вас недостоин, и он... Он очень странный человек.

– Да? И что же в нем странного?

– Ну... Он никогда не выносит мусор, к примеру. Всегда этим занимаетесь только вы и...

– И он точно никогда бы не стал признаваться мне в любви на помойке, – перебила она его с раздражением и ушла, сердито цокая высокими каблучками по утоптанной до мраморного блеска тропинке.

Она отошла уже достаточно далеко, когда он крикнул ей вслед:

– Позвоните мне как-нибудь, Ирина! У меня очень простой номер: три шестерки сорок три. Я буду ждать!

Глава 3

Он давно уже прозябал в бездеятельной скуке. Очень давно. Как бы не соврать, не сбиться со счета и не обмануть самого себя.

Да, уже несколько месяцев не находилось применения его таланту. А он у него имелся, да еще какой! И главное – талант тот был пока непризнанным. Результатами упивался пока он один. Правильнее, думал, что он один, но вот вчера...

Вчера на улице возле газетного киоска его неожиданно окликнули. Окликнули по имени, между прочим. Отвели под локоток подальше от людской толчеи, что всегда возникала там, поскольку газетный киоск соседствовал с автобусной остановкой. Усадили на скамеечку под раскидистым канадским кленом и, настырно глядя ему в глаза, проговорили:

– У меня есть заказ на одного человека.

– Не понял?

Он очень ловко изобразил удивление. Он умел притворяться, умел играть, умел вводить в заблуждение. Решил, что прокатит и на этот раз. Не прокатило, черт побери, потому что этот настырный человек ухмыльнулся и пробормотал:

– Не пытайся валять дурака, я все о тебе знаю.

– Да ну! И что же ты знаешь?

Не хотел, да оглянулся с опаской себе за спину. Это – решил он для себя тут же – было первым проколом и первой

уступкой с его стороны.

Честный человек с незапятнанной репутацией разве станет озираться, разве станет бояться, что их кто-то сумеет подслушать? Нет, конечно. Он запросто пошлет собеседника куда подальше и уйдет прочь, насвистывая. Он не ушел, потому что...

Да струсил он тут же, стыдно признаваться самому себе. Струсил так, что живот моментально закрутило и губы перестали чувствовать, будто в кресле стоматолога сидел и ему только что вкатили в десну огромную дозу обезболивающего. Вот каким страшным и сильным оказался его внезапный страх.

– Знаю многое, но это мой секрет, хотя он и напололам у нас с тобой, – человек отвратительно захихикал. – Но тебе не стоит меня бояться. Я не опасен. К тому же ты мне нужен. Очень нужен. Одному человеку...

– Это я уже понял, – перебил он его со злостью.

И злость эта имела многогранную окраску.

Злился на себя за уязвимость. Злился на этого человека, перед которым вдруг спасовал. И еще больше злился из-за своего интереса к заказу незнакомца.

Маялся ведь от бездеятельности? Маялся. Хотел вновь того феерического ощущения, которое дает невероятный оглушительный успех? Хотел, да еще как! Сетовал на то, что никак не находится применения его таланту? Сетовал, сетовал. Чего тогда? Не ожидал, что его тайное вдруг станет для ко-

го-то явным, вот чего. А разве к этому можно быть готовым?..

– Так берешься выполнить заказ или нет? – Человек спросил так, что ясно было – отрицательного ответа он не потерпит.

– Кто он? – вынужден он был спросить.

– Вот это уже разговор! – тут же обрадовался его собеседник и моментально полез в нагрудный карман летней рубашки, достал небольшую фотографию, подержал ее на ладони, любовно рассматривая, а потом сунул ее ему, буркнув: – Знаешь его?

Лицо было узнаваемым, но не настолько, чтобы утверждать, что человек ему хорошо знаком.

– Не знаю, – коротко ответил он, возвращая фотографию. – И что ты хочешь?

– Хочу, чтобы он ушел из жизни очень быстро, безболезненно, никак не привлекая к собственной смерти внимания правоохранительных органов. Все должно выглядеть очень естественно. Знаю, ты это можешь.

– Гм-м...

Он нахмурился, снова озадачившись тому, как много собеседник о нем знает. Интересно было бы знать, откуда? Но спрашивать не стал. Ответа не будет точно.

– Сколько ты хочешь за заказ? – деловито осведомился человек, неловко поднимаясь со скамейки.

– Сто, – брякнул он первое, что пришло ему в голову.

– Сто чего? Тысяч? Сто тысяч рублей или долларов?! –

Человек заметно заволновался.

– Рублей, рублей, не переживай.

– А-аа, отлично. Это подойдет.

– Эй, стой! – окликнул он его, потому что тот вдруг медленно пошел в сторону автобусной остановки. Дождался, пока он вернется, и предупредил: – Предоплата пятьдесят процентов. Я так работаю.

– Ладно, когда?

– Все зависит от тебя. Как срочно тебе нужно?

– Нужно? Еще вчера! – фыркнул человек, небрежно щелкнув пальцами. – Но... Ладно, я найду тебя, как только у меня будет нужная сумма. И знаешь что... Я заплачу тебе сразу все!

– Не боишься, что обману? – ухмыльнулся он не очень уверенно.

– Нет, не боюсь. Ты у меня вот где, милый, – и человек сжал крупный крепкий кулак, поднеся его почти к самому его носу. – Это тебе нужно меня бояться, а не наоборот. Обманывать меня не в твоих интересах, если не хочешь, чтобы в твою дверь постучали серьезные ребята. Все, до встречи...

И он ушел на остановку. Сел в первый подошедший автобус и колесил потом, как идиот, по городу. Хотел, наверное, замести следы. Смешной! Неужели этот человек и в самом деле думал, что он позволит так нагло наступать себе на горло? Неужели и правда считал, что держит ситуацию под кон-

тролем? Какое самомнение, какая недальновидность. Хотя, с другой стороны, ему это лишь на руку. Пусть незнакомец думает и считает, как ему удобнее. А он...

Он станет действовать по ситуации. А заказ, видимо, придется выполнить. Ну что же, ну что же, он займется подготовкой уже сегодня. Пришла пора реализовать собственный талант себе же во благо. Жалко только, что так мало запросил. Человек готов был выложить много больше. А, да ладно. Может, еще удастся раскрутить его на премиальные. Может быть...

Глава 4

Выходные летели насмарку. Корпоративный выезд на природу Стас отверг с содроганием, тут же вспомнив минувшие празднества Нового года, когда ее коллеги облепили его, будто осы.

– Не хватало еще, чтобы они начали оголяться в жару передо мной, демонстрируя целлюлитные ляжки! – морщился он брезгливо, неаппетитно выворачивая внутренности голубца вилкой на тарелке. – Ладно – зима. А тут – лето, жара. Все станут загорать, купаться, снова липнуть. Не хочу, Ириш, уволь меня от подобной перспективы. Нет, если ты хочешь, поезжай, я не против, но меня уволь.

Без него Ирина ехать не хотела. Все, включая одиноких, собирались выезжать парами, похватав подвернувшихся под руку знакомых мужчин. А ей что? С тоской любоваться на их уединение вечером? Нет уж. Она и дома посидит. Хотя не очень-то хотелось.

Стас поужинал, как всегда забыв поблагодарить. Ирина сгребла со стола грязную посуду, вымыла и вышла на балкон. Вечер пятницы был потрясающим. Жара милостиво отступила, позволив кратковременному дождику прибить пыль и умыть листву. Солнце упало за крыши домов, и двор погрузился в приятный прохладный полумрак. Сейчас бы побродить по влажному асфальту, да с кем? Вниманием Стаса за-

владел спортивный канал. Теперь невозможно его вытащить из дома. Позвонить Наташе? Встряхнуть ее, выдернуть из ее горя и...

Нет, Наташе звонить нельзя. К ней нужно просто ехать, брать за руку и тащить упирающуюся хоть куда-нибудь. Если позвонишь, она тут же откажется, сославшись на несуществующие дела. А дел-то никаких и не было у нее уже почти год. Генка рвался, что-то делал, что-то предпринимал, что-то добывал, а Наташа будто умерла. Умерла в тот день, когда умер ее маленький Степашка. Прямо на день своего рождения, когда ему исполнился всего годик.

Наташку стоит навестить. Она давно у нее не была. Все откладывала, все пыталась забыть их последнюю встречу, когда подруга вытолкала ее из дома взащей, прокричав вслед, что она никого не желает видеть и ее – Ирину – в том числе. Что ей все надоели. И более того, что она ненавидит их всех за их безмятежное счастье.

Ох, как ей больно тогда сделалось от несправедливых упреков подруги. И еще больнее за Наташкину боль, с которой та ни в какую не желала расставаться.

– Ты идешь спать?

Ирина стояла на пороге гостиной в самой лучшей своей сорочке, которую надевала лишь однажды и которая Стасу очень понравилась тогда. Очень надеялась повторить впечатление, но он даже не повернул головы, пробормотал, что

еще пару часов будет занят. Стало быть, в постель ей надлежало отправляться одной.

Вошла в спальню и, не включая света, полезла под одеяло, замерев ровно на середине. Она всегда так засыпала, если укладывалась одна. Потом Стас приходил и осторожно, чтобы не разбудить, теснил жену на ее место.

Странно, но в субботу утром она проснулась так же, как и уснула, – ровно по центру. Стас не приходил. И ушел, как оказалось, задолго до ее пробуждения. Записка, прищипленная к холодильнику, была лаконичной и призывала не расстраиваться и не ждать его, поскольку его срочно вызвали на работу. И такое случалось, удивления это не вызвало.

Побродив бесцельно по квартире и проигнорировав время завтрака, Ирина начала все же собираться. Раз решила навестить Наташу, стало быть, навестит. Безо всякого предупреждения, безо всякого звонка. Позвонить решила только Генке.

– Алло, Ириш, привет, – откликнулся тот тут же бесцветным от горя голосом. – Как твои дела?

– У меня все нормально, Ген, а ваши?

– Наши?.. – Он вздохнул с протяжной безнадегой. – Все так же, Ир! Если не хуже!

– Что случилось?! Что-нибудь с Наташей?

Она сползла с краешка кресла на пол и тут же ухватилась за сердце. Нет, еще одного горя своих друзей она не переживет, это точно. Это было бы слишком даже для нее, хотя все

ее по праву считали сильной и почти нестигаемой.

– Что с ней, Ген?! Да не томи ты, говори!

Пришлось даже прикрикнуть, потому что тот неожиданно начал всхлипывать и бормотать что-то с трудом различимое. А ведь держался все это время, еще как держался. Дела, видимо, и впрямь совершенно дрянные, раз Генка позволил себе так рассопливиться.

– Она требует эксгумации трупа, Ирин!!! – заорал он вдруг не своим голосом. – Она совсем рехнулась! Я не могу так больше, понимаешь!!! Просто не могу!!!

– Как эксгумации? – ахнула Ирина, вытягивая на ковре вмиг ослабевшие ноги. – Зачем?! Есть же заключение и...

– Это ты у нее спроси, Ирина! Спроси у своей полоумной подруги! Что я только ни делал, как ни уговаривал, все бесполезно. Она... Она будто невменяема. То сидела дома. Теперь...

– Что теперь? – отозвалась Ирина, потому что Гена снова замолчал. Принявшись всхлипывать.

– Теперь ее не найти дома. Днем она ходит по инстанциям, а вечером... А вечером таскается с малолетними придурками по барам.

Ей послышалось или Гена действительно выдал это с отворачиванием? Кажется, нет. Кажется, все именно так, потому как сразу после этого его будто прорвало, и он наговорил Ирине такого, что у нее заполыхало лицо от стыда за подругу.

– Ген, ну так же нельзя, – попыталась она возразить, когда Гена заявил, что собирается подавать на развод. – Ты не можешь!

– Могу! – резко оборвал он ее. – Еще как могу! Я устал, понимаешь!!! Устал быть нянькой, психоаналитиком, мед-братом и еще черт знает кем! А теперь вот еще и рогоносцем прикажешь мне подле нее отираться?! Нет уж, хватит. Кстати... Я ушел, Ирина. Говорю тебе, чтобы ты знала и не задавала ей лишних вопросов при встрече.

– Как ушел? Куда ушел?

Она не верила, она не желала верить, черт побери, в чужое сумасшествие! Да и не чужим оно ей было, а своим до дикой боли, рвущей душу.

Что они творят со своей жизнью, эти двое?! Как они могут?! Кто позволил им так поступать друг с другом?! Они же предают прежде всего свою жизнь, свою счастливую жизнь и свою память о сыне.

– Я ушел от нее навсегда, Ирина, – уже совершенно спокойным, ровным голосом ответил ей Гена. – Ушел и не собираюсь возвращаться. У меня теперь... У меня теперь другая семья.

– Как давно она у тебя? – тут же поспешила она оскорбиться за Наташу. – Как давно у тебя новая семья, можно поинтересоваться?

– Это не так важно, Ирина, – замялся Гена, побоявшись ее гнева, а она ведь могла страшно гневаться и право на гнев

имела.

Она могла бы многое сказать ему в ответ на это. И могла бы призывать его, и напоминать, и просить опомниться. Но Ирина лишь, перед тем как опустить трубку на аппарат, коротко обронила:

– Говнюк!..

Друзья их семьи, правильнее ее друзья, поскольку дружить с ними она начала еще давно, до Стаса, жили в модном районе новостроек. Микрорайон вырос совсем недавно на окраине города, в лесопарковой зоне. Здесь было все, что обещали застройщики будущим жильцам. И чистый воздух, и небольшое озеро с благоустроенными берегами, и возможность без проблем провести свой досуг. Мечта просто, а не микрорайон. Здесь, приобретя квартиру, Гена и Наташа вместе с маленьким Степаном и собирались жить-поживать, добра наживать и приумножать численность своего семейства. Не вышло. Все пошло под откос после беды, что стряслась так неожиданно и так страшно. Наташка катилась под откос, если верить Генке. Генка ушел, бросив ее. И не получится у них, как оказалось, ни счастья, ни благополучия, ни многодетной семьи.

Ирина не стала ничего покупать. Заявиться к Наташке с тортиком и бутылкой вина было бы пошло. Покупать фрукты и соки тоже сочла лишним. Не в больничную же палату в самом деле идет. Подумав, купила блок любимых Наташкиных сигарет, тем и ограничилась. Если надумают оформить по-

сиделки, сбегает, благо, магазинов в их микрорайоне тьма-тьмушая.

Дошла до их дома чистеньким аккуратным тротуарчиком. Постояла возле подъезда, рассматривая окна своих друзей на третьем этаже. Все вроде как прежде. Легкая органза металась за открытыми створками окна гостиной. На балконе висело банное полотенце. Одно! Стало быть, Генка не соврал – Наташка и впрямь одна. Раньше всегда два полотенца моталось на веревке на их лоджии.

С тяжелым сердцем Ирина поднялась по лестнице и позвонила. Странно, но Наташка открыла почти сразу. В прошлый раз пришлось ждать минут пять.

Открыла, с вызовом подбоченилась и смотрела на нее какое-то время, не приглашая войти. Потом вздохнула и буркнула:

– Входи, раз пришла.

– Спасибо, – с горечью поблагодарила ее Ирина, переступая порог. – Как дела, не спрашиваю, почти все знаю.

– Да? И что же ты знаешь, дорогая?

Она даже не обернулась, швырнув ей к порогу гостевые тапки. Швырнула и тут же пошла на кухню, принявшись там греметь посудой.

Ирина переобулась, пристроила свою сумочку на изящной тумбочке под зеркалом, порадовалась тому, что в квартире царит идеальный порядок, в прошлый раз ее ступни буквально прилипали к паркету. Вошла в кухню и удивленно вос-

кликнула:

– Ждешь гостей?

– Почему обязательно? – Наташа резкими движениями помешивала огромные куски мяса в глубоком сотейнике, причем мясом этим можно было бы запросто накормить человек пять, не меньше. – Просто готовлю, чтобы есть.

– Одна собралась столько есть? – Ирина недоверчиво хмыкнула, прошла к столу и уселась на скамейку, раскинув руки по спинке. – Не хочешь, не говори, конечно, но Генка...

– А мне плевать, что Генка говорит, поняла! – Наташа обернулась и ткнула в ее сторону деревянной лопаточкой, с которой тут же на пол шлепнулась крупная клякса маслянистого соуса. – И если хочешь иметь со мной нормальные отношения, не упоминай больше при мне его имени! Есть вопросы?

– И не один, ты знаешь! – тоже повысила голос Ирина, разозлившись. – Ты не чужой мне человек, а я не досужая до сплетен кумушка. Я здесь потому, что переживаю за тебя, за вас...

– Да нет уже никаких нас, Ира!!! Нет уже давно!!! – с надрывом закричала Наташа, швырнула деревянную лопаточку обратно в сотейник и обессиленно опустилась напротив подруги на табурет. – Видимость создавали, пока возможно было. А как Степашки не стало, все и рухнуло.

– Я тебе не верю. – Ирина сморщила лоб, попытавшись вспомнить хоть один намек на то, что между ее друзьями

что-то было не так, не вспомнила. – Я не верю тебе! Видимость они создавали! Зачем?! Для кого?!

– Да для вас и создавали. – Наташа пожала плечами и кивнула себе за спину в сторону прихожей: – В сумке что? Сигареты?

– Да.

– Молодец. Я так и думала, что ты сигареты принесешь. Торт с конфетами – это лишнее, вино – тоже, праздновать нечего. А вот сигареты в самый раз. Я возьму?

– Не вопрос, – позволила Ирина, дождалась, когда Наташа вернется, и снова пристала: – Нет, вот ты говоришь, что для нас отношения разыгрывали, но ведь было же все хорошо! Я же помню!

– Помнит она. – Наташа ловко распаковала блок, достала пачку и через мгновение выбивала тонкую сигаретку изящными пальцами. – А что помнишь-то! То, что улыбались вам, – так через силу. Что в гости зазывали – так для того, чтобы реже скандалить. Он же... Гена мой, давно уже лыжи наострил из семьи. Его только Степашка и удерживал. А как малышка не стало, так путь свободен. Вот я и...

– Вот поэтому ты теперь и требуешь эксгумации, так?

– Уже настучал! – Наташа поперхнулась дымом и долго кашляла, потом, разогнав дым от лица рукой, согласно кивнула. – Поэтому, представь себе! Именно поэтому. Если тебе все рассказать, то и ты найдешь во всем, что произошло, много странностей.

– А ты расскажи, – попросила Ирина и тут же потянула носом воздух. – Мясо не подгорит?

Наташа быстро затушила окурок в пепельнице и метнулась к газовой плите. Неторопливо поворочала мясо в сотейнике, плеснула туда воды из чайника, масла из красивой стеклянной баклажки, покрошила зелени, убавила огонь и накрыла крышкой.

– Пусть потомится минут двадцать, и станем пробовать, – пробормотала рассеянно, выглянула в окно, чуть притворила форточку и села рядом с Ириной на скамейку. – Началось все, как мне кажется, еще задолго до рождения Степашки, Ир.

– Кажется? Может, тебе и в самом деле все это только кажется, Наташа?

Она все еще не хотела сдаваться. Все еще пыталась ухватиться за призрачную надежду и думала, что рассказ Наташи – это всего лишь плод болезненного воображения подружки, спровоцированного горем. Но та лишь покачала головой отрицательно и вымолвила со вздохом:

– Если бы! Я когда беременной была, все относила на счет своих гормональных капризов. Думала, что комплекую из-за живота своего, из-за непривлекательности. А потом... Потом у меня было время подумать и все переосмыслить. Когда Генка не ночевал дома, объясняя тем, что по работе там, что дела бизнеса задержали его в дороге, а я как дура верила. Психовала, конечно, но верила. Теперь не верю. Теперь

твердо уверена, что он уже тогда крутил с этой сучкой.

– Почему уверена? – Ирина погладила подругу по плечу и тут же пристроила свою голову на нем, как бывало раньше. – Что тебя натолкнуло на подобные мысли?

– Так узнала я точно, что не было никаких отъездов двухдневных у него по делам бизнеса. Не было и быть не могло! Слишком много у него в штате подчиненных. Есть кому этим заниматься. А он сидит в своем кресле от звонка до звонка и с портфельчиком домой. Только вот обходил он дом наш стороной, когда надо было. Правильнее – не доходил до него. Она ведь... – Наташа всхлипнула. – Она ведь через дом от нас живет, любовь его.

– А работает с ним?

– Нет, работает она, милая подруга, врачом в той самой больнице, где умер наш сын. И смена была ее в ту ночь. И диагностировала моего сына именно она. Как тебе, а?! Как тебе такой расклад?!

– Ты хочешь сказать...

Ирина невидящими глазами уставилась на тонкую струйку ароматного пара, вырывающегося из-под крышки сотейника, силясь переосмыслить услышанное.

Генка – паршивец голенастый – нашел себе подружку и таскался на сторону от жены еще тогда, когда та была беременной. Чувства, очевидно, оказались достаточно сильными и прочными, раз он не завязал с этим непотребным делом по сей день. Его избранница самым невероятным образом

оказалась тем самым человеком, на руках которой умер Наташкин и Генкин сын. Как тут не заподозрить эту женщину в преступных деяниях?! Мотив очевиден. Она всеми правдами и неправдами пыталась отвести Генку от семьи, от ребенка, которого тот обожал. Но...

– Но ведь это чудовищно, Наташ!!! Это преступно и требует тщательного расследования!

– А чем, по-твоему, я теперь занимаюсь? – Наташа встала и принялась доставать с верхних полок навесного шкафа праздничные тарелки. – Если хочешь знать, я теперь только этим и живу. Может, благодаря этому и выжила. До этого чуть с ума не сошла. Все себя винула: не углядела, мол, что-то пропустила, была плохой матерью. Но теперь все изменилось. Я поняла в какой-то момент, что в смерти моего сына виновен кто-то еще. Кто-то, кроме меня. Начала следить, дознаваться, расспрашивать... Ты знаешь, почему я обвиняю в смерти Степашки именно Генкину лярву?

– Ну, наверное, потому, что у нее был мотив. Почему еще? Она хотела во что бы то ни стало заполучить твоего мужа и решила... – Ирина замотала головой в отчаянии. – Нет! Я не могу, Наташа! Не могу поверить, что женщина... Врач! Смогла сотворить такое!

– Не верь. Кто же тебе не позволяет? Но это она виновна, и я смогу это доказать. И дело даже не в том, что между Генкой и ею любовь была, которая могла спровоцировать преступление, а в том, что это не первый случай в практике

этой стервы.

Наташа с раздражением сорвала крышку с сотейника, тут же залив пол горячими маслянистыми каплями. Швырнула крышку в раковину, выругавшись, потому что обожгла руку. И начала выкладывать мясо на тарелки, приговаривая злым речитативом:

– Она приехала к нам в город не так давно, года два или три назад. До этого жила в Челябинске. Работала в детской консультации. И однажды просто не выехала по вызову в районное село к больному ребенку просто потому, что у нее в тот вечер были гости! Ребенок поступил к ним в больницу уже утром. Она что-то пыталась делать, как-то лечить, но бесполезно. Он умер.

– Откуда ты все это узнала?! Не хочешь ли ты сказать, что специально ездила в Челябинск и наводила там о ней справки?! И потом, как ты узнала, что она жила в Челябинске?

Наташа обернулась на подругу и проговорила со значением:

– На самом деле узнать что-то о ком-то – не столь сложно. Главное – правильно выбрать направление. Следствие иногда плутает неизвестно где, сериалы-то смотришь? Вот! Я тоже смотрю. Так вот мне иногда кажется – это раздражает, кстати, спасу нет, – что работники органов правопорядка нарочно путают себя, ищут не там и не тех, оттого и плодятся нераскрытые дела на их полках. А все много проще, понимаешь, Ир? – Наташа подхватила тарелки с мясом, постави-

ла их на стол, пододвинув одну поближе к подруге, и тут же приказала: – Попробуй все не съесть! Не выпущу из-за стола!

Мясо пахло неподражаемо. Огромные куски с хороший детский кулачок плавали в маслянисто-пурпурном соусе, сверху все это посыпано зеленью! Попробуй тут устоять. Ирина тут же подхватила вилку с ножом и принялась расправляться с первым куском. А Наташа с воодушевлением продолжила:

– Так вот, начала я с того, что принялась наводить о нашей врачихе справки. Кто она, где работала прежде, где живет, с кем и так далее.

– И тебе что, прямо вот так все эти сведения предоставляли безо всякого? – не поверила Ирина, пробубнив с набитым ртом.

– Да щас! Народ стал грамотным, алчным, вот и приходилось каждый свой шаг выстилать купюрами. Узнала и про Челябинск, и про инцидент с больным ребенком, и про место жительства. А вот о личной жизни ничего! Не замужем, детей нет, друга тоже никто не видел, хотя коллеги догадывались, что у нее кто-то есть. Были звонки телефонные, томные разговоры со вздохами и ужимками. Короче, я принялась за ней следить и... – Наташа замерла, не донеся до рта вилку, замерла, уставившись невидящими глазами в оконный проем. – И вот тут снизошло прозрение, дорогая. Как увидела его с портфельчиком и букетиком, топающего к ее подъезду, так и прозрела. Нет, я поначалу думала, что они

познакомились уже после трагедии. Думала, что, пока разбирались, разговаривали, дело дошло и до интима. А соседи меня и просветили. Нет, говорят, дорогая. Этот хлыщ уже к ней года два как минимум таскается. И на море даже вывозил на четыре дня.

– Как на море?! Наташ, чего мелешь?! Он же больше чем на одну ночь не пропадал, сама говорила!

– Ага, говорила. А потом вспомнила симпозиум осенний. Конец сентября тогда был. У меня Степашка орал всю ночь, а под утро уснул. Я не выдержала и позвонила Гендосу на мобильный.

– Не ответил?!

– Ответил, почему нет? Только мне показалось в тот раз, что кто-то женским голосом спросил у него, мол, кто это. Кто-то спросил, кто был рядом. Я еще переспросила у него – ты один или нет. Он рассмеялся, посоветовал побольше отдыхать, тут же начал врать про любовь и все такое... Главное не это. Главное, что симпозиума никакого не было. На его фирме узнавала через третьих лиц, назвав точное число. Не было! А Гена наш, оказывается, брал в счет отпуска четыре дня, чтобы вывезти на отдых свою шлюху. И это в то время, когда его жена маялась с ребенком, у которого режутся зубы. Я как представлю себе все это, Ир... – Наташа зажмурилась с силой, но напористая слеза все же просочилась сквозь ресницы и резво заскользила по щеке. – Я убить их готова обоих!!! Убить, понимаешь!!!

Аппетит пропал. Ирина дожевала кусок мяса, отодвинула тарелку с недоеденной порцией и тут же потянулась к чайнику.

– Может, выпьем, а, подруга? – с тоской предложила Наташа.

– Нет, пить мы с тобой не станем. – Ирина щелкнула электроподжигом на газовой плите и водрузила на горелку чайник. – Мы с тобой станем пить чай и будем думать, что нам делать дальше.

– Нам? Чего это нам? Я уж как-нибудь сама, Ирин. Сама свое дерьмо стану разгребать. – Наташа тоже отодвинула мясо в сторону, посетовав: – И кому столько наготовила, пропадет теперь. Как Генка ушел, так все добро идет в помойное ведро. Худо мне, Ирка, от его предательства! Ой как худо! А еще гаже от мысли, что Степашка из-за его кобелиных страстей пострадал.

– погоди ты наперед правды лезть со своими выводами, – прикрикнула на нее Ирина, начав хозяйничать на кухне подруги.

Достала чашки, сахарницу, большую жестяную коробку с чайными пакетиками. На привычном месте нашлось и печенье – тоже в жестяной цветастой коробке. Убрала тарелки, вытерла салфеткой стол, поставила чашки и, опершись кулаками о столешницу, попросила:

– Ты пообещай мне ничего не предпринимать, чего бы ни случилось, ладно, Наташ?

– Это ты о чем? – не сразу поняла та, снова закуривая и заученно отгоняя дым от лица.

– Это я о том, что... – Подобрать нужные слова никак не получалось, и она сказала так, как оно выходило: – Что если она убила Степашку, то ты не станешь мстить очертя голову.

– А как надо мстить, Ир? Обдуманно, да? – Наташа незнакомо прищурилась, глянув на Ирину с заметным холодком. – Так ты не переживай, я все-все продумала. Все до мелочей. У меня было на то время...

Глава 5

За минувший день Александр был готов убить своего отца трижды.

Первый раз – когда входили в банк и тот, ткнув его в спину костылем, пробормотал виновато в сторону охранника:

– Нарожаем ублюдков, потом всю жизнь маемся, так ведь?

Охранник промычал что-то утвердительное, видимо, тому тоже не повезло с детьми, и тут же снова тупо уткнулся в кроссворд.

Вот как раз в этот момент Александр первый раз за день пожелал своему отцу скорой гибели, а охраннику – возможных грабителей, чтобы тот – морда сытая и ленивая – не мычал утвердительно, соглашаясь со всяческим старческим вздором, а службу свою нес исправно.

Второй раз ему захотелось прибить старика, когда миловидная девушка – и где только банкиры находят себе такой персонал, интересно бы поинтересоваться, – грациозно тыкала авторучкой в те места на бумаге, где надлежало подписывать. Она хрупкими пальчиками переворачивала страничку за страничкой, указывала места, обозначенные карандашными галочками. Смотрела на Александра с явной симпатией и благодарила за каждый его автограф. Вот тут Степан Александрович возьми и брякни:

– Ты, дочка, не очень-то на него заглядывайся. От него

жена убежала не так давно, потому что он неудачник и тру-
тень. Такой красавице, как ты, с таким тюленем не по пути...

Девушка недоуменно заморгала, переводя взгляд с отца
на сына. Неловко сгребла с краешка стола подписанные бу-
маги. Села на свое место и тут же начала монотонным казен-
ным голосом перечислять им их права и обязанности. По-
следних, правда, кроме получения денег, не было никаких.

А в третий раз папе надлежало бы превратиться в горстку
пепла, когда они уже вернулись домой. Старый хрыч долго
пританцовывал с костылем по гостиной. Тряс пачкой денег,
полученных в банке, и припевал с издевкой:

– Вот я денежки получил, а ты, дурачок, в поручителя-а-
ах! А я возьму и не стану плати-ить, потому что инвалид
и пенсионе-еер, и тебе придется раскошелиться-а-а! Как я
ловко тебя наду-уул, дурачка простоволового-о-о!..

Пельмени, которые он и так с трудом проглатывал, про-
сто встали колом у Александра в горле. С грохотом швыр-
нув вилку на стол и громыхнув расшатанным табуретом, он
встал и медленно пошел в комнату.

Отец, невзирая на костыли и группу по инвалидности, до-
статочно резво скакал в дикой пляске по гостиной и беспре-
рывно напевал гнусный речитатив, сочиненный только что.
А может, он давно его сочинил, кто знает. Может, давно за-
думал свое черное дело, решив в очередной раз, теперь уже
окончательно и навсегда, испортить своему сыну жизнь.

– Чего смотришь, дурачина?! – Большая с растрепанными

седыми космами голова откинулась назад, отец расхохотался. – Ловко я тебя сделал, а!!! Вот возьму и кину тебя! Возьму и повешу на тебя этот гребаный кредит! А ты станешь платить, не перечь! Чего смотришь, а? Чего? Спросить о чем хочешь или попросить о чем?

– Спросить хочу, – кивнул Александр, хотя шея с трудом ворочалась, даже хруст, кажется, раздался: до такой степени свело все тело судорогой от ненависти.

– Спрашивай, сынку! – Отец снова захохотал.

– Когда ты наконец сдохнешь, папа? Когда я избавлюсь от тебя, не подскажешь?

Смех отца оборвался, и в гостиной повисла угнетающая слух тишина. Потом старик как-то сразу обмяк на своих костылях, уронил голову. Мычал себе под нос какое-то время и вдруг прошептал на полном серьезе:

– Сдохну я много позже тебя, деточка. Будь уверен в этом! Тебе надлежит издохнуть первым, это точно!

– Да ну!

Александр криво ухмыльнулся, чудом удерживаясь от того, чтобы не затолкать каждое поганое слово отца ему обратно в глотку. Он ведь был очень уязвимым – этот старик, с трудом переставляющий ноги, очень. Сущность его была гнусной и непотопляемой, это да. А что касалось физических сил, то здесь Александр находился в явном преимуществе.

– Вот тебе и да ну! А теперь пшел отсюда вон в свою ко-

нуру! – И старик, уловив заинтересованный взгляд сына на пачке денежных купюр, поспешил сунуть их себе за рубашку. – Давай-давай, пока я соседей не позвал. Как начну орать, они живенько вызовут участкового. Он и так приходил, интересовался нашим с тобой житьем-бытьем. Я ничего ему не стал докладывать, а что помешает мне это сделать в следующий раз, а, деточка?

Продолжать смотреть на мерзкий старческий кураж у Александра не стало больше сил. Он влетел в свою комнату, рванул со шкафа большую спортивную сумку. Его тут же облаком накрыла растревоженная пыль. Покидал в сумку чистые джинсы, пару рубашек, смену белья и носки и, стараясь не попадаться на глаза старику, выбежал из квартиры.

На улице возле подъезда остановился, отдышался и тут же полез в карман за телефоном. Надо было звонить кому-то, где-то просить пристанища. В который раз пожалел, что не подарили ему родители брата или сестру. Глядишь, и нашлось бы где переночевать и скрасить подлое свое одиночество.

Нет, ну каков мерзавец, а! Так кинуть его, так обвести вокруг пальца. Неужели в самом деле придется выплачивать за отца этот чертов кредит? Это же пять лет сидеть на хлебе и воде, и...

Нет, надо как-то себя застраховать от подобной перспективы. Как-то обезопасить и постараться скинуть со своей шеи ярмо в образе выжившего из ума старика и его идеи по-

садить сына в долговую яму. Каков извращенец!..

Он долго сидел на автобусной остановке, рассматривая объявления о съемных углах, комнатах и квартирах. Пытался даже прозвонить пару номеров, но, услышав цену, тут же давал отбой. Не по карману. Не по карману ему роскошь отселиться от отца и зажить тихо и бесхлопотно.

Что делать, как дальше жить?! Он же не сможет так больше, точно не сможет! Он натворит бед каких-нибудь, и тогда уже точно придется ставить жирный крест на его бесполезной жизни. Что же делать?!

– Алло, Женек, ты? Привет, – он так обрадовался голосу своего друга в мобильном, что с трудом вытолкал из себя заранее заготовленную фразу: – Как дети? Нина... Сессия у нее как?

– В порядке, – стало слышно, как друг улыбнулся. – Она же у меня умничка, Нинка. Сдала все в лучшем виде, даже платить никому не пришлось. А ты чего такой подавленный, случилось что?

– Да так...

– Что снова дядя Степа чудит?

Про чудачества Сашиного отца Женька знал не понаслышке. Сам несколько раз становился жертвой изощренной гневливости старика и выслушивал о себе такое, что глаза вылезали на лоб и тошнило буквально.

– На этот раз, Женек, все! Предел просто! – И Александр скороговоркой поведал ему о событиях дня минувшего, не

забыв рассказать предысторию.

– Да-аа, брат, ну и влип ты! – ахнул друг. – Чего делать теперь собираешься?

– Не знаю, – честно признался Александр. – Первое, что на ум взбрело, это уйти из дома. Если бы не ушел, убил бы его точно.

– Ну это ты брось, слышишь! – перепугался Женя. – Он отец твой все же, хотя и из ума выживший. Что ушел, это правильно. И куда теперь?

– А я знаю! – с горечью отозвался Саша, изо всех сил надеясь, что друг ему поможет. – Сижу вот на остановке с парой рубашек в сумке. Читаю объявления.

– И что? Нашел что-нибудь?

– Круто все очень, Жень. Мне не по карману. Знаешь, сколько я получаю. А если еще и кредит за старого хрыча придется платить, то вообще...

Возникла пауза, в течение которой – Александр слышал – Женька переговаривался с Ниной. Что-то на повышенных тонах доказывал ей, выслушивал ответ и снова принимался доказывать. Визгливый тенорок Нины определенно навевал на Александра тоску. Не хотелось ей давать пристанище другу своего мужа, убей, не хотелось. Но Женька мог быть убедительным, потому как через минуту спросил у друга:

– Ты где сейчас?

– Да на углу дома на остановке торчу уже с полчаса, наверное.

– Сиди и дальше, – скомандовал Женя. – Я сейчас буду...

Женькина новенькая «десятка» выползла из-за угла минут через двадцать. Подъехал бы и раньше, да движение на проспекте в это время дня всегда бывало затруднено. Час пик!

– Извини, брат, – широкая Женькина ладонь вцепилась в его пальцы. – Нинку убалтывал. Сам знаешь, как она может тупить. Садись, поехали.

– Куда? – Александр подхватил со скамьи сумку и поспешил за другом в его машину. – Куда поселишь-то, дружище?

– На тещину дачу, Саш. Больше некуда. На своей бы поселил, да ремонт мы там затеяли. Ни окон, ни дверей, все меняем. А тещина хоть и не бог весь какая, но все же запирается изнутри. Да не парься ты, там уютно. Соседи неплохие. До города недалеко. Сможешь на работу ездить без проблем. А вообще... Давно пора тебе ко мне перебираться. Сколько можно в ящик таращиться за копейки. Программист хренов! С твоими мозгами давно бы миллионером стал, а он мальчишкой на побегушках у бухгалтерских теток служит. Срам, Саня! Стыд и срам!

Женька звал его к себе давно. Занимался он тем, что диагностировал транспортные средства при районной ГИБДД. Платили неплохо, как он говорил, благодарили еще лучше. Так что потихоньку-полегоньку он и квартиру себе отремонтировал, и машину купил, теперь вон, оказывается, и на даче ремонт затеял. Дела, видимо, идут неплохо. Можно бы-

ло бы, конечно, и к нему, но Саша все колебался. Стыдно было ему обирать таких же, как и он, мужиков, стоящих в очередь на диагностику. Стыдно придумывать причины, за устранение которых требовалось приплатить. Стыдно было врать. Другого замеса он был, хотя Женьку нисколько и не осуждал. Устраивает того подобная жизнь – не вопрос, пусть себе трудится. А ему стыдно...

– Так что, перейдешь, Санек? Нам такие спецы, как ты, по компам нужны позарез. Чайников мне насажали, я не знаю, что с ними делать. Так что?

– Я подумаю, – пообещал Александр.

Отказывать с ходу другу в теперешней ситуации было как-то невежливо. Да и кто знает, какой очередной темный угол подготовила ему судьба! Может, и придется принять предложение Женьки. Напоминание о кредите отца, что топором палача маячил в подсознании, не давало покоя.

Они выехали за город и, проехав минут пять по трассе, тут же свернули влево на утрамбованную грунтовую дорогу. Еще десять минут езды – и бампер Женькиного автомобиля ткнулся в аккуратненький плетень, увенчанный тремя трехлитровыми пустыми банками и глиняным горшком.

– А что, теща тоже тут живет?! – Александр поежился, показав кивком на посуду.

– Нет, дружище, теща живет с нами. – Женька тягостно вздохнул. – И чего мы их так не любим? Нормальная в принципе тетка, с детьми помогает. В жизнь нашу с советами не

лезет. Под ногами не путается, а все равно не терплю ее. Природой, что ли, так предопределено, черт его знает!

О своей теще Александр без содрогания вспоминать не мог. Мало того что жить та изволила непременно с молодыми, так в отличие от матери Нины еще и постоянно лезла с советами, и под ногами путалась, а уж про помощь какую там и заикаться не смей. Отвратительной была его теща. Лизка, кстати, недалеко от нее ушла. Такая же востроносенькая стервь!

– Лизку твою тут недавно видел, – словно подслушав его мысли, обронил Женька, увлекая его во двор небольшого выбеленного дома. – Поправилась, знаешь, похорошела. Привет тебе, кстати, передавала. И еще просила передать, что ее мама вышла-таки замуж и уехала в другой город. Не позволишь?

– Нет. – Александра даже передернуло. – Зачем я ей стану звонить, Жень, о чем ты?

– Да нет, это я так... Да и она просила.

– О чем?

– О том, чтобы ты ей позвонил. Что-то лопотала о неумиряющих чувствах.

– Чьи чувства она имела в виду? Мои, что ли? Их нет давно. А Лизка ничего, кроме любопытства, чувствовать не способна. Да ты же знаешь, Жень, чего мне тебе говорить!

– Да чего я могу про вас знать? Жили себе жили, а потом развелись. Взяли бы ребенка родили от безделья. Может,

еще стоит попробовать, а, Сань?

– Слушай, ты это того... Говори, да не заговаривайся. Во-влекать в эксперименты детей! Ты в своем уме, дружище?!

– Чего тогда? Так и будешь бобылем жить? Так и до состояния дяди Степы недалеко будет. Нинка тут тебя увидела мельком, говорит: в кого превращается твой красавец друг? – Женька отодвинул доску второй ступеньки, достал оттуда ключ, открыл дверь и позвал со вздохом: – Пошли, стану передавать тебе по акту владения своей второй мамы, друг.

Владения оказались не очень просторными, но чистыми и до приторного уютными. Все в плетеных кружевах, рюшечках, оборочках. На панцирной койке дыбилась груда подушек в атласных наволочках, тоже с рюшечками. Со старинного абажура под потолком в единственной комнате ниспадала кружевная вуаль такого же цвета, что и парадные наволочки на подушках. Пол был застелен яркими домоткаными половичками даже на кухне, где стояли добротный стол под темной бархатной скатертью, старинная керосинка и в углу притулился рукомойник.

– Удобства в огороде, Саня, уж не взыщи, – развел руками Женька. – Но там здорово! Я постарался.

Старания друга Александр оценил по достоинству. Тот до чего додумался: сровнял все грядки, засеял площадь сортовой травой и посадил по периметру плетеной изгороди высокий кустарник. Получилась ровная гладкая площадка, со-

крытая от глаз соседей. В центре этой площадки красовалась беседка, увитая диким виноградом, со столиком и двумя скамейками.

– Скажи, рай просто? – Женька обвел рукой владения своей второй мамы.

– Да! Обладеть можно! Теща оценила?

– А то! Неделию с сердечным приступом лежала, когда увидела, во что я ее капустные грядки превратил. Потом успокоилась. Но простить до сих пор не может. – Женька хихикнул, с удовольствием добавив: – А мне ее прощение, Саня...

– Понял.

– Короче, обживайся. – Они вернулись в дом, где Женька тут же принялся щелкать выключателями, проверяя их исправность. – Свет есть. Вода через дорогу в колонке. Туалет где, ты видел. Магазин в ста метрах вверх по дороге. Автобусная остановка напротив дома. Езды до города – тоже знаешь сколько. Если станешь садиться на рейс, который в половине восьмого, еще успеешь отца перед работой проведать.

Про отца ему напоминать не следовало. Это вызвало в душе у Александра новый приступ желчной ненависти и кучу проклятий на голову бедного старика. И ведь не вылезала из головы преступная надежда когда-нибудь, каким-нибудь любым способом избавиться от него. В мыслях и мечтах своих дошел до такого, что пот прошибал.

Ближе к вечеру Александр сходил в местный магазинчик.

Порадовался тому, насколько там чисто и светло. Удивился обилию продуктов на полках, купил палку сухой колбасы, плавленых сырков, сахара, чая, батон, макарон, спичек. Вернулся в дом Женькиной тещи и принялся стряпать себе нехитрый холостяцкий ужин.

Вода на керосинке долго не хотела закипать. Потом так же долго варились макароны. Когда наконец сварились, Александр крошил сверху мелко нарезанный плавленый сырок, уложил толстые коляски колбасы и вышел на улицу, чтобы поужинать в беседке, в бывшем огороде Женькиной тещи.

Сдобренная вечерней росой сортовая трава приятно пружинила под босыми ступнями. Воздух был таким чистым и благоуханным, хоть черпай его ложками и употребляй вприкуску с макаронами и плавлеными сырками.

Поставив тарелку на стол, что смастерил его друг, он сел на скамейку и зажмурился от какого-то непонятного ощущения свободы. Станным оно было, поскольку свободы-то никакой не было. Могла быть, пусть он в ход свои преступные замыслы, но он ведь никогда в жизни не решится. Как не решился до сих пор бросить свою работу и перейти к Женьке.

Совестливым был потому что. Так, кажется, называла его бывшая жена Лизка. Только из ее уст это звучало обвинением.

– Порядочность теперь не в чести! – верещала она частенько.

Может, и так, может, она была и права. Ведь будь он дру-

гим, давно бы и тещу выставил за дверь. И Лизке на горло наступил, чтобы оскорблять его не смела. Глядишь, их брак продержался бы до сих пор. Позвонить ей, что ли, или не стоит? Хотя почему нет? Позвонит и спросит, как дела. Это же не значит, что он непременно ищет примирения. Это может значить только одно – ему до тошноты хочется хоть какого-то общения сегодняшним вечером. Чтобы не чувствовать себя таким одиноким и несчастным. Чтобы не бередили душу мысли, а что было бы с ним, случись с его отцом внезапное несчастье. И чтобы – самое главное – мысли эти не укоренились в нем, не отравили его совестливой сущности. И не позволили надеяться...

Глава 6

Три рабочих дня она лопатила работу как одержимая. Ей нужно было увязнуть в бумагах, пестреющих цифрами. Ей нужно было отвлечь себя от того, чтобы не думать про Наташку и про ее замыслы.

Замыслы-то явно пахивали уголовкой! Сейчас даже за собак приговор выносят, а тут люди! Двое людей! Вдруг Наташка сорвется и натворит что-нибудь страшное, что тогда?! Неспроста же завела разговор о возмездии. Наверняка все продумала в ходе своего самостоятельного расследования. Возьмет и... убьет их! А они могут оказаться не виноваты в смерти Степашки. Они могут быть виновными лишь в том, что имели несчастье влюбиться друг в друга.

На четвертый день не выдержала и, отпросившись пораньше с работы, поехала к Генке на фирму.

Секретарша его долго выживалась и все никак не желала докладывать о ее приходе. Но не на ту нарвалась, милочка. Отсидев положенные протоколу вежливости десять минут в приемной, Ирина резко встала и, игнорируя перепуганно-возмущенный клекот вредной девицы, вошла в кабинет к Генке.

– О! Иришка! Какими судьбами? Проходи, проходи, дорогая! Рад, очень рад! Сейчас прикажу, чтобы нам подали кофе...

Он изо всех сил старался улыбаться ей с неожиданной радостью, но в глазах застыл настороженный интерес. Он явно чего-то опасался. Ирина была не вчерашней школьницей и моментально уловила его мысленный вопрос: «А с какой это стати ты сюда приперлась, дорогуша? Чего это тебя так расперло, что ты рискнула переступить порог моего кабинета, который не переступала никогда прежде?..»

Его испуг Ирину мгновенно озадачил.

Может, не так уж и не права Наталья, подсевшая на свои подозрения, как на наркотик. Стоило выяснить. Только она не станет ходить вокруг да около. Она спросит его прямо в лоб. И спросила:

– Гена, а ты знал, что в ту ночь в больнице дежурила твоя любовница?

– Та-аак! И ты туда же!!! Нет, это черт знает что такое!!!

И опять его возмущение показалось ей трусливым. Неубедительно он как-то гневался. С чего бы это?!

– Так знал или нет? – снова надела она на него, стойко выдержав громы и молнии.

– Знал, не знал, что это меняет?!

– Это меняет многое, Гена. Ты поспешил обвинить свою жену в том, что у нее не все дома, а дело-то дрянь, дружок!

Ирина уселась наконец напротив него. До этого маршировала по кабинету, бездумно трогая милые безделушки на полках его кабинета. Трогала и злорадно предполагала, что безделушки наверняка его любимой незаконной подарены.

– И чем же оно тебе кажется таким дрянным, Ирина? – Он скинул с плеч пиджак, оставив его на локтях, ослабил узел галстука и смотрел на нее теперь с явным вызовом. – Чем?

– Твоя дама сердца дежурит в больнице в ту ночь, когда погибает твой сын. Погибает от странной болезни...

– У него открылась пневмония! – заорал он, перебивая.

– Странно, не находишь? Пневмония у абсолютно здорового малыша? Гм-мм... – Она перегнулась к нему через стол, повалив какой-то портрет в рамке. – А что, если это была аллергия на какую-нибудь неумело введенную инъекцию, а? А что, если эта инъекция была введена не неумелой рукой, а рукой злоумышленника? Правильнее, злоумышленницы...

– Что ты мелешь???

Он побелел так, что Ирина испугалась – еще чего доброго шарахнется в обморок, что ей тогда с ним делать?

– Ты сейчас поняла, что сказала?! – прошипел он сдавленно. – Ты только что обвинила человека в убийстве!!! Невинного человека!

– Уверен?

Он не был уверен, черт возьми! Точно не был уверен! Она поняла это мгновенно, по тому, как болезненно сморщилось его лицо. Генка сомневался. И это давалось ему очень непросто. Это было очень болезненно для него. А для нее облегчением, черт возьми! Заподозрить и его тоже в умышленном содеянном было бы страшным ударом, да! Не мог же он?..

– Ирка, да пошла ты!!! – вдруг заорал он не своим голо-

сом. – Прекрати издеваться надо мной и ты тоже! Одна из меня жилы тянула, теперь и ты тоже?! Что ты вообще хочешь узнать, а?! Хочешь думать, что я вместе со своей любовницей угробил своего сына, думай, если ты дура! Если умная женщина, то... То меня хотя бы от своих подозрений освободи, прошу! Мне муторно так... Так тошно, что жить просто не хочется! От всего этого...

Он съежился внезапно на своем начальствующем кресле, даже ослабленный узел галстука напалз ему на подбородок. И до того он показался ей жалким и беззащитным, что Ирина устыдилась:

– Прости меня, Ген.

Он махнул рукой куда-то мимо нее и тут же отвернулся. Посидел, сгорбившись, минуты три-четыре, потом спросил со вздохом:

– Так будешь кофе, Ир, или нет?

– Нет, спасибо, Гена. Кофе я не хочу. – Ирина выбралась из-за стола и с тяжелым сердцем пошла к двери. Потом все же не выдержала, остановилась и спросила едва слышно: – А что, если это она, Гена?! Что, если это она виновна в гибели вашего с Наташкой ребенка? Что ты станешь делать тогда?!

Ответить ему было нечего. Он так и не посмотрел больше в ее сторону. Ирина ушла.

Дом встретил ее пустыми стенами и дежурной запиской от Стаса. Снова занят. Снова на работе. Снова предлагал ей поужинать без него и ложиться, также в одиночестве.

– Черт знает что, а не жизнь! – возмутилась она, заходя на кухню.

Нет, дома он все же был. Видимо, забегал поужинать или пообедать. В раковине грязная посуда. На столе неряшливые разводы. И, как обычно, полное ведро мусора. И как только человек ухитряется налопатить столько мусора за такое короткое время пребывания, интересно?

Достав из хлебницы батон, Ирина отломил кусочек и принялась вяло жевать. Жевала, бездумно поглядывая сквозь окно на улицу, и размышляла.

Генка точно не был замешан в этом преступлении, если оно вообще имело место быть. Он не мог бы... Не посмел бы... Напрасно Наташа грешит и на него тоже. Слепленная горем, она готова была теперь весь мир обвинить. Мало этого, готовила им обоим какое-то неумолимое возмездие, а это страшно!

– Наташ, привет, – осторожно начала Ирина, забравшись с ногами на диван с телефонной трубкой. – Как дела?

– Это ты о чем? – та мгновенно ошетибилась. – Если думаешь, что я оставлю свою затею, то напрасно.

– Нет, я не об этом. Просто...

Ну какие тут можно было подобрать слова?! Какие?! И услышит ли она их, еще вопрос!

– Просто что?

– Я была у Генки на работе, – призналась Ирина.

– И что? – Голос подруги просто заледенел.

– Я думаю, что он здесь ни при чем.

– В адвокаты тебя нанял, что ли, не пойму! – фыркнула Наташа злобно.

– Нет, но он сильно переживает, Наташ. Не пори горячку, так нельзя.

– Моей горячке год почти, милая. За давностью времени состояние аффекта не рассматривается, так что не стоит беспокоиться, – перебила ее подруга. – Каждое мое действие – плод долгого анализа и раздумий. А что касается моего бывшего, то...

– То что? – поторопила ее Ирина, потому что Наташа неожиданно надолго замолчала.

– То я не думаю, что он настолько мерзок. Как бы я его ни презирала, представить его в роли убийцы собственного сына не могу! – Наташа всхлипнула едва слышно. – Конечно, он переживает. Тебе следовало только уточнить для начала, по какому поводу он так убивается, Ир? Ему кого теперь больше жалко: Степку или тварь его?

Все, она бросила трубку, закончив разговор на таком вот риторическом вопросе. И Ирина тут же принялась им мучиться.

А в самом деле, за кого Гена переживает больше, а? Сына ему жалко или того, что преступницей может оказаться женщина, которую он любит? Ведь случись так, он потеряет и ее тоже. И это еще одна трагедия.

Нет, надо было что-то делать. Что-то срочно предприни-

мать, куда-то бежать, кого-то останавливать, что-то советовать и предостерегать. Только каким, интересно, образом?!

Неожиданно позвонил Стас. И, перекрывая рабочий шум, прокричал на подъеме в трубку:

– Как дела, малыш? Чем занимаешься? Я звонил тебе на работу, там сказали, что ты отпросилась. Что-то случилось?

– Нет, все в порядке, – неуверенно промямлила Ирина.

Почему-то не хотелось посвящать его в то, где и как она провела остаток рабочего дня. Мелко мстила ему за вынужденное одиночество, быть может. Или просто не хотела говорить об этом по телефону. Наврала что-то про давнюю подругу, что позвонила ей с вокзала и попросила встретиться. Потом поинтересовалась, когда он вернется. Выслушала сумбурный ответ, призывающий ее к пониманию, а потом еще очень долго слушала прерывистые гудки. Это Стас так обижался, когда она проявляла непонимание и любопытство: он просто бросал трубку.

Все, делать больше нечего. Кухню она уберет минут за двадцать. Еще десять минут на то, чтобы вынести мусор, а потом...

Потом ей обеспечено бездумное просиживание перед телевизором и беспокойный сон по центру кровати.

Как-то отвратительно складывалась ее личная жизнь, не захочешь, да признаешь. С этим требовалось что-то делать. Только что? Завести любовника, может быть? Тот смешной парень, что возле мусорных бачков неожиданно признался

ей в давней и безответной любви, мог бы рассматриваться ею как претендент?

Фу, нет, конечно! Он странноватый какой-то. Да и Стас, узнав, камня на камне не оставит от их семейного очага. В гневе она его, конечно, никогда не видела, да и в сценах ревности тот не был замечен, но ведь и повода не было. А если будет, как он себя поведет? Рисковать не стоило.

Ирина убралась на кухне, с остервенением отмывая пол с порошком. Подхватила мусорный пакет и поплелась на улицу. Она сегодня чуть припозднилась и парня из соседнего дома, давно и безнадежно вздыхающего в ее сторону, не увидела. Смешно признаться: она несколько раз оглядывалась, слышав за спиной чьи-то шаги. Неужели она так уж хотела его увидеть снова? Да нет, наверное. Просто...

Просто тоскливо ей было коротать этот вечер в одиночестве. Все как-то навалилось вдруг и сразу. Наташа с ее одержимостью. Генка с его раздавленным видом. Стас еще... Вернее, его отсутствие. Сгодился бы и давний воздыхатель, видимо. А его, как на грех, не оказалось.

Обратно она шла по двору очень медленно. Здравовалась со всеми подряд жильцами и все косила взглядом в сторону подъезда напротив. Нет, не было его. Ну и пусть! Она, вообще-то, замужем. Не пристало ей разговоры вести с посторонними одинокими мужчинами. Она вот сейчас вернется домой. Заварит зеленого чая с лимоном. Сядет перед телевизором, а потом уснет крепким сном до самого утра. И не

будет думать ни о чем плохом и запретном. У нее ведь все хорошо? Да, у нее все хорошо. Она жива и здорова. Муж ее тоже – тьфу-тьфу. А все остальное не должно иметь никакого значения.

Но почему имело, а?! Почему проворочалась в кровати без сна до трех часов? Почему не шли из головы ни Генка с Наташкой, ни Стас, ни даже этот чудак из дома напротив? Почему, почему, почему...

Утро началось как обычно – с назойливого писка будильника, который всегда звонил не вовремя. Ирина свесила ноги с кровати, пошарила ступнями по ковру, тапки не нашлись, и она побрела босая в ванную. По пути обнаружили летние туфли мужа, разбросанные по прихожей. Стало быть, он дома. Стало быть, вернулся и уснул в другой комнате, решив ее не беспокоить. Заботливый какой, едва не фыркнула она вслух. И побеспокоил бы уж, что ли.

Заперлась изнутри в ванной и полезла под прохладный душ. Пока вымылась, пока высушила волосы, чуть подкрасилась, прошло минут сорок. У нее всегда на утренний моцион уходило чуть больше пол часа, даже можно было не засекаеть время. Привычно обмотавшись полотенцем, вышла из ванной. Поставила на кухне чайник на огонь, шире приоткрыла створку окна, потому как духотища в кухне уже с утра стояла невообразимая. Развернулась, чтобы снова идти в спальню одеваться, и тут же ойкнула от неожиданности. На пороге кухни стоял заспанный небритый Стас и со странным выра-

жением на лице протягивал ей телефонную трубку.

– Что? – почему-то она принялась пятиться от него к окну.

– Тебя, – пожал он крепкими загорелыми плечами, широко зевнул, сонно поморгал и буркнул, стукнув трубкой об обеденный стол:– Даже не понял, кто это. Ревет кто-то.

Взял и ушел, оставив ее один на один с неведомым абонентом, которому вдруг с чего-то приспичило реветь в половине седьмого утра.

Ой, как тошно ей тут же сделалось! Ой как тошно! Одно мгновение растянулось невероятно, пока она подходила к столу, протягивала руку к телефонной трубке и подносила ее к уху. Она, кажется, даже слышала, как ползет, шурша секундами, это мерзкое время, приближая ее к чему-то плохому.

Почему снова так?..

– Алло, – сдавленно произнесла она, послушала странный шорох в трубке и снова произнесла уже с удивлением: – Алло?

– Ирка, ты? – Наталья – это была она – тяжело, с присвистом вздохнула. – Ты-то хоть не спишь? А то Стасик твой бурчал что-то недовольное.

– Ты чего так рано звонишь, Наташ?! – перебила ее Ирина, в самом деле распознав в голосе подруги слезы. – Я не сплю! А ты чего так рано?

– Стас не сказал? – Наташа отчетливо всхлипнула.

– Нет, а что?! Что он должен был мне сказать? Да не томи

ты! Говори, чего ревешь?! – набросилась она на нее, забыв о том, что нужно говорить тише, потому что за стенкой спит ее уставший после ночной смены супруг. – Ну!!!

– Генка умер, Ир, – устало обронила Наташа и зарыдала в голос. – Он умер, понимаешь!!! Умер от сердечного приступа прямо на работе!!! Это так... Это так неожиданно! Так несправедливо! Этого не должно было быть! Он не мог так поступить со мной!!! А он взял и умер... Ир, что делать?! Что делать, Ир?!

Генка умер?! Генка, с которым она вчера очень гадко поговорила, которого пыталась обвинить в чем-то страшном, припирала к стенке, заставляла чувствовать себя чудовищем, умер?! Но...

– Но этого не может быть!

– Почему?! – заорала в ответ Наташа. – Почему не может быть, Ир? Только потому, что тебе этого не хотелось, да! Почему Степка мог умереть, а Генка не может?! Потому что... Потому что...

Она разрыдалась пуще прежнего и бросила трубку. А Ирина как была в полотенце, то и дело сползающем, так и осела на пол.

Они что...

Они что, все с ума посходили, напустив на себя немыслимый, не поддающийся объяснению мор?! Сначала Степка, теперь вот Генка, кто следующий?!

Она сидела на полу, облокотившись спиной о ножку сто-

ла. Бездумно прижимала телефонную трубку к груди и пыталась связать воедино разрозненные страшные слова, что прорыдала ей на ухо Наталья.

Выходило что-то ужасное!

Холодное, гадкое, неотвратимое вползло в душу. Все там выворачивало, кололо, тянуло страшной болью и тут же давило диким холодом. Ее начало колотить. И кажется, она даже принялась плакать, потому что Стас снова возник на пороге кухни. Снова протяжно зевнул, глянув на нее с изумлением, и спросил, присев перед ней на корточки:

– Эй, ты чего, Ириш? Ты плачешь, что ли, я не пойму? По ком плачем, а, малыш? Кого хороним?

От его стопроцентного попадания, выданного с таким равнодушно-заспанным цинизмом, ее передернуло. Ирина отстранилась от его рук, плотнее прижав к себе телефонную трубку, зажмурилась и укорила:

– Не смешно, Стас!

– О-оо, как все запущено. – Он с кряхтеньем опустился на пол рядом с ней, толкнул ее легонько плечом и примирительно пробормотал: – Ничего не хочешь мне рассказать, детка? Может, я на что сгожусь, а? Муж все-таки, не чужой тебе человек. Так в чем причина наших слез?

– Генка... Генка умер, Стас!!!

Он откачнулся от нее с такой силой, что сдвинул стол с места. Наверняка теперь ободрал краем стола дорогие обои на стене, подумала она. Странно, что в такой момент она по-

думала именно об этом. Подумала с былым раздражением, ведь десятки раз просила его не двигать столом и...

Боже! О чем она думает, о чем?! И это в тот момент, когда Наташка там одна разрывается от горя или...

Или нет??? Или ее такой исход вполне устраивает?! С чего она вдруг так сказала, что Степка может умереть, а Генка нет?!

Нет!!! Только не это, господи! Сделай так, чтобы Наташка тут была совсем ни при чем!

Стас пришел в себя гораздо раньше ее. Поднялся, тут же потащив с пола ее за руку, делая ей больно. А может, он осторожно ее тянул, а просто тело все надсадно заболело сразу и любое прикосновение казалось ей болезненным.

– Идем, Ир. Идем в комнату. Не стоит сидеть на полу, простудишься.

Стас подхватил ее на руки и понес в спальню. Снова уложил ее на неприбранную постель. Укутал одеялом до самого подбородка, пробормотал что-то, выбежал и через минуту вернулся с мензуркой и стаканом:

– На, малыш, выпей.

Силой влил ей в рот какой-то пахучей горькой дряни. Заставил запить водой и снова уложил на подушки, приказав не двигаться. Ушел, принялся кому-то звонить. Кажется, даже ругался. Потом присел на краешек кровати и, тронув ее за щеку, окликнул:

– Ну, ты как?

– Не знаю, – пискнула Ирина, глубже зарываясь в одеяло. – Я ничего не знаю, Стас! Ничего и ни про кого! Сначала Наташка говорит...

– Что она говорит?

– Что хочет отомстить им обоим, и тут вдруг так все... –

Ирина вдруг подскочила и вцепилась в его плечи, казавшиеся всем другим такими надежными. – Ты ведь не бросишь меня, милый? Не оставишь меня никогда, так ведь?! Я ведь хорошая жена, так?... Ты... Ты обещаешь мне, что будешь жить?!

Она колотилась в его руках, цеплялась за него, рыдала. Стас гладил ее по плечам, что-то говорил, пытался утешить, правда, скомканно как-то, без былого красноречия. Потом и вовсе начал раздражаться, даже попытался оторвать ее руки от себя, проворчав:

– Да что с тобой в самом деле, Ира?! Успокойся, в конце концов! Ты по родителям так не рыдала!

Отрезвило ее это или нет? Кажется, да. И не отрезвило даже, а получилось, что она будто бы получила по лицу. Отпрянула и уставилась на него непонимающе:

– По родителям? Что ты такое говоришь, милый? Я... Я горевала! И достаточно сильно, но... Но они были пожилыми людьми, и их смерть... Это не так... Не так неестественно.

– А что неестественного в смерти Генки? – Стас пожал плечами, отходя на всякий случай подальше от кровати. –

Он пережил страшную трагедию. Переживал. Наташка рыдала, а он молча нес в себе свое горе. Это подкашивает здоровье много крепче. Что вот, к примеру, ты можешь знать о его здоровье? Молчишь! Вот и я не знаю. Может, он давно страдал и болел, только не жаловался никому.

– Как же так! – вскинулась она. – Ему было кому пожаловаться и...

Она вовремя прикусила язык, чуть не выболтав Стасу Наташкин секрет про Генкину любовницу – врачиху. Но факт оставался фактом. Не могла его эскулапша оставить без внимания здоровье любимого. Если Наташке было не до чего, то уж любимая наверняка щебетала вокруг него, утешая и убажывая.

– Если ты имеешь в виду его супругу, – продолжал здраво рассуждать Стас, выгуливая себя по супружеской спальне с заложеными за спину руками, – то ей было не до его здоровья, согласна?

– Да, – коротко кивнула Ирина, вытирая лицо пододеяльником.

– Вот! – тут же подхватил Стас, обрадовавшись ее пониманию. – Может, он давно и безнадежно был болен, а его горе дало еще один толчок, только и всего. И рассуждать теперь о неестественности и несвоевременности – это как то... Как-то...

Он не смог ничего больше придумать, чертыхнулся вполголоса и ушел в ванную, оставив ее в одиночестве.

Ирина сидела на кровати, скорчившись и комкая в руках пододеяльник, и снова и снова задавала себе один и тот же вопрос, который сидел у нее в голове страшной занозой: а не ее ли вчерашний визит спровоцировал Генкину скорую кончину? Не она ли так его расстроила, что он взял и умер от сердечного приступа, оставшись один на один с ее обвинениями в своем кабинете?

– Не-еет, я не виновата, – жалобно пискнула она самой себе, бездумно глядя в окно, за которым полным ходом разгорался еще один душный летний день. – Он не мог умереть из-за меня! Не мог.

Но спросить у его любовницы о возможном Генкином нездоровье она была просто обязана. Она не могла не спросить. Хотя бы ради того, чтобы не мучиться так от сознания собственной вины.

Да, она сейчас приведет себя в порядок. Восстановит умытый слезами макияж, причешется и поедет к Генкиной любовнице. Адрес...

Адрес она узнает у Наташки. К ней ведь все равно придется наведаться, хочется той того или нет. Узнает адрес, навестит осиротевшую Генкину любовь и все, все, все у той узнает. И даже про Степашку, не удержится, непременно спросит. Плевать ей на ее обиды, не такого великого полета птица, чтобы с ней церемониться.

– Ты это куда?!

Стас, успев умыться и побриться, уже вовсю гремел на

кухне посудой, что-то разогревая себе к завтраку, когда Ирина, одевшись в темный костюм, со скорбным лицом возникла на пороге:

– Поеду к Наталье. Ты со мной?

Спросила, потому что не могла не спросить. Спросить была просто обязана, хотя искренне и надеялась на его обычный отказ.

– А я там так уж нужен?

Стас с сожалением посмотрел на сковородку, взгроможденную на огонь, в которой разогревалось вчерашнее картофельное пюре.

– Как хочешь. – Ирина пожала плечами, потом все же не выдержала и сделала замечание: – Огонь убавь, Стас. Вся картошка на плите. Или крышкой прикрой сковороду.

– А, ладно, – беспечно отмахнулся он, выключая газ. – Уже разогрелось. Так ты не ответила: я сильно там нужен или как?

– А ты как думаешь?

Давно пора было повернуться и уйти наконец. Но она все стояла и наблюдала за тем, как он ставит горячую сковороду прямо на обеденный стол, по обычному подстелив для страховки новенькое чистенькое полотенце вместо подставки. Как лезет в холодильник, достает оттуда колбасу и нарезает крупными ломтями снова прямо на столе. Потом, забыв воспользоваться мусорным ведром, отодвигает колбасную чешую в сторону. Берет вилку и начинает чиркать ею о

тефаль, хватая картошку прямо со сковородки.

Варвар! Варвар да и только! И чего они вместе столько времени? Неужели и правда об этом мужчине можно кому-то мечтать?..

– Ир, давай не начинай, а! – заныл Стас, набив рот. – Если нужен, так и скажи. Только не взывай к моей сознательности. Я всю ночь пахал как проклятый. С утра звонки твоих полоумных подруг. Теперь твоя игра глазами... Надоело, черт побери, догадываться, что опять я сделал не так.

– Ладно, оставайся. Я одна схожу, – оскорбилась она за Наташку, которую совсем не считала полоумной, обезумевшей от горя – может быть, но это ведь совершенно другое. – Может, ты и прав. Сегодня я лучше одна.

– Звони, если что, – крикнул он ей уже вслед. – Если понадобится, звони. Я пока дома.

Ирина его уже не слышала, быстро спускаясь по лестнице. Она ведь лишь на короткое время позволила себе отвлечься на безалаберность Стаса. Лишь на краткий миг позволила себе не думать о Наташкиной беде. Но стоило запереть за собой дверь, стоило пойти вниз по ступенькам, как снова накрыло. Да так, что ноги принялись подкашиваться. А стоило выйти на улицу, так и вовсе хоть в обморок падай. Вязкая духота опалила лицо, впилась в тело влажными когтями, тут же влепив темный костюм в лопатки, а юбку к ногам. Погорячилась она, вырядившись подобным образом. Не подумала, что придется тащиться по жаре через весь город. Попро-

силь бы у Стаса машину, да снова начнет ныть и причитать, что баба за рулем – это...

Черт с ним, со Стасом. обойдется без него и без его машины. Такси еще никто не отменял.

– Свободны? – сунулась она в первую попавшуюся машину на стоянке такси.

– Да, – кивнул водитель, тут же без лишних слов повернув ключ в замке зажигания. – Куда?

Она тут же назвала Наташкин адрес.

Пока ехали по городу, удачно минуя места, где могли образоваться пробки, она все думала, что скажет подруге при встрече. С чего начнет разговор, сможет ли повернуть его так, чтобы разжиться номером дома и квартиры, где теперь станет горевать в одиночестве та самая врачиха, что не смогла уберечь от смерти сначала Генкиного сына, а потом и его самого.

Но странное дело – Наташка начала их разговор именно с этого.

– Ты знаешь, я хотела бы задать несколько вопросов этой сучке, – задумчиво обронила она, занавесившись сигаретным дымом в собственной кухне.

– Это ты о ком? – на всякий случай уточнила Ирина, с жалостью поглядывая в сторону подруги.

Взбодрившись поначалу идеей мести, Наташка снова сникла, изрядно подрастеряв свой запал. Под глазами – черные полукружья. Волосы не чесаны. Спортивный костюм

неряшлив и измят. Да и в квартире снова царил беспорядок.

– У тебя были гости? – Ирина попыталась разметать рукой густые клубы дыма. – Полна раковина пустых фужеров.

– Были. А с чего у меня им не быть? – Наташка равнодушно пожала плечами. – Женщина я одинокая. Теперь вот... Теперь вот совершенно одинокая. Даже развестись не успели, представляешь!

– Да... – задумчиво откликнулась Ирина, не выдержав, метнулась к окну и открыла обе створки, проворчав: – Наташка, хватит курить! В старуху превратилась, ей-богу! Куда только твоя красота подевалась?

– А кому она нужна теперь, Ир, красота-то моя? – хмыкнула та, ткнула коротким окурком в пепельницу и тут же снова потянулась за новой сигаретой. – Генка мне, кстати, тоже вчера об этом квакнул.

– Вчера? Ты с ним виделась? Вчера виделась? – Ирина остолбенела возле подоконника, с которого попыталась сместь въевшуюся пыль столовой тряпкой.

– А чего это ты так удивляешься, будто я не могу увидеться с собственным мужем? – фыркнула Наташа с каким-то ленивым раздражением. – Встретились, поговорили.

– О чем? О чем вы с ним говорили?

Когда она могла побывать у Генки? Вернее, когда успела, если сама Ирина была уже во второй половине дня? До ее визита Наташи там точно не было, Генка бы не удержался, сказал непременно. Значит, была уже после нее. И была

незадолго до его смерти, раз он скончался прямо на работе в самом финале рабочего дня.

– А то нам поговорить с ним не о чем?! – хмыкнула Наталья и неуместно хихикнула, потыкав в ее сторону пальцами с зажатой в них сигаретой. – Я же не спрашиваю тебя о том же.

– Что ты этим хочешь сказать, Наташ? – Ирина растерялась, поспешив отвернуться.

– Ты ведь тоже там вчера была, я имею в виду на работе. Сама говорила. И не только ты, а и лярва его двухвостая тоже навещала. Мне его секретарша сказала. До-олго сидели запершись. Богат был на визиты последний день жизни моего муженька, ничего не скажешь!

Ой, как Ирине не понравился тон, которым Наташа все это выговаривала. Особенно последняя фраза была полна зловещего подтекста. Да такого, что не захочешь, а задумаешься. А что, если...

А что, если смерть Генки не случайна? Что, если, что, если?..

Господи, ну помоги не думать о подруге так! Наставь ее на путь истинный! Изгони все подозрения!!!

Ну не получалось, хоть убейся! Не выходило и не клеилось думать иначе! Маленьким поганым червем ворочалось и ворочалось внутри: а что, если это Наташка? Что, если она и впрямь отомстила своему неверному мужу? Но как?! Как подруга смогла довести его до приступа? Или это был не приступ вовсе?

– Меня небось подозреваешь, Ирка? – вдруг выпалила Наташа и совершенно не к месту расхохоталась, громко и зло. – Подозреваешь, подозреваешь, не смей отказываться! Только не выйдет у тебя ничего, так и знай! Не выйдет!

– Что не выйдет? – проямлила она, избегая смотреть в глаза подруги.

Последние, кажется, даже мерцали теперь полубезумным светом из-за дымовой сигаретной завесы. Не захочешь – передернешься.

– Обвинить меня ты не сумеешь, поняла! – Наташа подскочила с места, с грохотом опрокинув табуретку. – Вскрытие констатировало смерть от сердечного приступа. Ни синяков, ни ссадин, ни царапин! Ни следов укуса зубов полумной бывшей жены, если хочешь. А теперь... Теперь ступай отсюда, дорогая. Не хочу тебя видеть.

– А... – Ирина попятилась к выходу, запутавшись окончательно и в мыслях своих, и в словах подруги, в пронизательности ее болезненной. – А как же похороны, Наташ?

– Похороны послезавтра, в двенадцать панихида. Подходи.

Она сгорбилась, согнув колени, подняла с пола опрокинутый табурет, поставила его к столу и снова села, воткнув в рот очередную сигарету. На Ирину она больше не обернулась. И даже не качнула головой, когда та, зажав свою сумку под мышкой, зашла в кухню попрощаться. Буркнула только едва различимо:

– Ушла в себя, приду не скоро...

Все было ясно – говорить с ней Наташа больше не будет. И уж тем более не снабдит ее адресом Генкиной любовницы. Еще чего доброго заподозрит в каком-нибудь тайном сговоре с той женщиной. Оскорбится еще, быть может.

И как же теперь действовать? Как отыскать эту незнакомку?

Отправиться с опросом по домам? Глупо, она даже имени ее не знает. Не станешь же искать «двуххвостую лярву», как называла ее Наташа. К тому же непонятно, какой именно смысл та вкладывала в эти слова.

Отправиться в больницу с вопросами тоже неумно. Нет, Ирина, конечно же, знала, куда поступил Степашка, заболел. И день запомнила хорошо, и могла бы навести справки, докопавшись, кто из детских врачей дежурил в тот день. Но не факт, что кто-то станет с ней разговаривать. Вряд ли кто захочет выдать свою несчастную коллегу.

Или нет?..

Она и в самом деле показалась Ирине раздавленной горем. Ее горе было очень тихим, очень скорбным и еще не вполне осозанным. И Ирина мгновенно узнала эту женщину, стоило ей выйти из подъезда, где раньше дружной семьей проживали ее друзья, и наткнуться на нее взглядом.

Да, это точно она, решила Ирина тут же, заметив на скамеечке в пяти метрах от подъезда молодую эффектную блон-

динку. Та сидела с неестественно выпрямленной спиной, не касаясь спинки скамейки. Комкала в руках носовой платок и с непонятным ожиданием смотрела в упор на приближающуюся по дорожке Ирину.

Она не специально шла в ее сторону, конечно, просто путь ее пролегал именно так, а не иначе. Можно было бы пойти другим путем, может, и пошла бы. Хотя и жаждала с ней встречи минуту назад. А когда увидела, струсила тут же.

Вот что она ей скажет? О чем спросит?

«— Это не вы отправили на тот свет Степашку, неправильно диагностировав его заболевание и вколов ему не то лекарство?»

— А какой мотив у вас был? Генку заполучить?

— Чего тогда не уберегли его? С чего не контролировали его сердцебиение?»

К кому-то другому Ирина, может, и обратилась бы с подобным перечнем вопросов. Если бы еще и было время на подготовку, уж она бы тогда не сробела точно. Она бы тогда приперла, она бы тогда...

К этой даме не могла ворваться в душу. Почему? Да потому, что та неожиданно понравилась ей. Понравилась сразу, как только Ирина ее увидела. И не потому, что та оказалась молодой блондинкой с полным набором умопомрачительных телесных стандартов, а потому, что, увидев ее, сразу поняла: это не она! Она никогда не смогла бы хладнокровно убить! Это какое-то трагическое стечение обстоятельств. Ка-

кой-то нелепый рок. Чудовищная шутка ошалевших небес. Это кто-то там высоко за них – за Генку и за эту светловолосую врачиху – решил вдруг начать жонглировать жизнями. Их жизнями!

– Здравствуйте, – пробормотала она, осторожно вставая со скамейки, когда Ирина поравнялась с ней. – Вы Ирина?

– Да, здравствуйте. Я Ирина.

Как хорошо, что она заблаговременно прикрыла глаза темными стеклами очков и может теперь без зазрения совести тарашиться на незнакомку, и всю ее рассматривать, и сравнивать, и сопоставлять, и прикидывать. Не хотелось, конечно, но с прискорбием приходилось осознавать: Наташка проигрывала молодой сопернице во всем.

– А я вас, наверное, жду, – так же тихо и бесцветно проговорила та.

– Наверное?

Ирина сложила губы в скептической ухмылке. Невзирая на неожиданную симпатию к незнакомке, вдруг так обидно стало за Наташку. Хоть и обезумела та буквально, и вела себя в последнее время по-хамски, и под страшное подозрение подпала, но подруга ведь. Не сбросишь же со счетов несколько лет преданных отношений. А вот Генка сбросить сумел, гад такой!

Сбросил, как балласт, ради этой вот обалденной красотки. Конечно, хороша. Конечно, с пониманием и без нервов. Но что делать тем, кто обветшал рядом под гнетом будней?

Куда им деваться с поруганными надеждами? А коли еще и такое страшное горе навалилось, то как поступать?

Ирина запаниковала.

Она ведь только что нашла оправдание Наташкиной ненависти. А коли так, то и возможную месть с ее стороны вполне сможет оправдать. Нет, но...

– Да, я вас жду, – чуть тверже повторила незнакомка и тут же снова: – Наверное.

– Так определитесь, – посоветовала ей не без яда Ирина, разозлившись прежде всего на себя.

Чего надумать успела за пару минут буквально, а! Всех ей сразу стало жалко, всех готова понять, простить. А дело-то дрянное, дело замешено на человеческих жизнях, которые кому-то вдруг приспичило оборвать. Если это беспощадное провидение, еще куда ни шло, с этим трудно мириться, но приходится. А если нет, то что тогда?!

– Нам нужно поговорить. Меня зовут Светлана. Мохова Светлана Ивановна, но можно просто Света. – Ей было не очень удобно смотреть в темные стекла очков Ирины, и она все время опускала глаза. – Я хотела бы поговорить с вами о Гене. Вы ведь... Вы ведь в курсе наших с ним отношений, так?

– Допустим.

Ирина осторожно кивнула, не без злорадства отметив, что при более тщательном рассмотрении Светлана не так уж свежа и прекрасна. И крохотные морщинки гусиными лапками

разбежались от внешнего века к вискам. И носогубные складочки уже чуть обозначились. Да и область шеи и декольте не могла похвастать упругостью.

– Понимаете... Понимаете... – замялась она, начав не очень уверенно. – Мне кажется, что Гена не сам умер.

– Как это?! – Ирина потянула с глаз очки, недоуменно заморгав. – А кто за него?

– Да я не об этом! – Светлана повела подбородком не без раздражения, полные губы задрожали. – Умер-то он сам, только не без помощи...

– Кого?!

Вот тут-то внутри у нее все и оборвалось.

Начинается! Начинается то, что она с таким испугом отвергала. Неужели Наташка настолько успела наследить своей одержимостью, что каждый второй о ней думает как о возможном преступнике?!

– Это она! – с неожиданной ненавистью, преобразившей ее нежное лицо, выкрикнула Светлана и тут же, опомнившись, проговорила чуть тише: – Это она его угробила!

Ирина оглянулась, опасливо покосившись на балкон своих друзей. Слава богу, там никого не было. Не хватало еще, чтобы Наталья застала ее за разговором. Без того неприятных наскоков хоть отбавляй. Снова перевела взгляд на Светлану, поправила очки на переносице и предложила:

– Может, нам продолжить разговор где-нибудь в другом месте? Как-то не совсем пристойно выкрикивать подобные

обвинения под окнами вдовы, вы не находите?

– Да-да, наверное, вы правы. – Светлана сникла, чуть подумала, потерев в руках носовой платок. – Может, пойдём ко мне?

– Хорошо, ведите, – тут же согласилась Ирина.

Они завернули за угол дома, где жили Наташа с Геной. Обогнули красивую клумбу с чем-то ярким и пушистым, издающим тонкий аромат цветения, миновали один дом, второй, похожие, как те дома-близнецы из любимой комедии. Возле первого подъезда третьего дома Светлана остановилась.

– Я здесь живу, – призналась она скованно, снова упорно избегая смотреть на Ирину. – На втором этаже. Пешком дойдём или лифта дождемся?

– Пешком.

Ирина вошла следом за ней через железную дверь в прохладное чистое парадное. Огляделась.

Жильцы устроились с размахом. Повсюду огромные кадки с цветами. На первом этаже так вообще столик с парой кресел, пускай не новых, но еще хранящих товарный вид. Стекла межэтажных окон чистые и главное – целые. Кафель на полу не заплыван, и нигде ни единого окурка и следа присутствия бродячей кошки. В Наташкином подъезде было несколько проще и не так чисто. Что-то там внутри, за красивой дорогой дверью квартиры Светланы?

Там было до стерильного чисто, не богато, но со вкусом

обставлено и масса – Ирина успела насчитать пятнадцать штук – их общих фотографий: Светланы и Геннадия.

Возле одной она не выдержала и остановилась:

– Это вы где?

Острый ноготок Ирины легонько потюкал по деревянной рамке, хотя, если честно, хотелось вдарить по ней кулаком. С силой вдарить, чтобы портретное стекло разбежалось уродливой паутиной, слизав застывшее мгновение чужого не-самделишного счастья.

– Это? – Светлана как раз пробежала мимо нее из кухни в гостиную, затеяв ненужную – на взгляд Ирины – возню с чаем. – Это мы с Геночкой на море. У него выдалась пара свободных дней и...

Она замолчала, проглотив воспоминания вместе с горестным комком, и поспешила скрыться со своей ненужной сахарницей и вазой с печеньем в комнате. И хорошо, что ушла, иначе Ирина точно не удержалась бы и допустила бы какую-нибудь бестактность.

Пара свободных дней у него, стало быть, выдалась, ну-ну. Это от чего и от кого свободных, интересно? От Наташки с ее вздувшимися от бессонных ночей подглазьями? От маленького сына, который надрывался, теребя кулачком распухшие десны? От запаха детской смеси, пропитавшей квартиру, от груды ползунков на гладильной доске, от...

Черт! Как чудовищно! Как все несправедливо чудовищно! Два самых близких и дорогих ему людей изо всех сил

выкарабкивались из проблем с режущимися зубами, а он тем временем был совершенно и вполне счастлив и беззаботен. Он тем временем тискал в руках стройное чужое тело, нежно дул в милое ушко или шептал что-нибудь о любви в тот момент, когда фотограф его запечатлел.

Пара свободных дней, понимаешь, ха! Пара свободных дней...

Другие портреты были ничуть не лучше. В том смысле, что ничуть не хуже свидетельствовали о безграничной любви, привязанности и счастье этих двоих. С каждой стены, с каждого крохотного простенка, где еле угнездились выключатели туалета и ванной комнаты, с каждой полки на Ирину скалилась Генкина физиономия, светившаяся его подлым, предательским наслаждением момента.

Разве так можно, а?! Ну разлюбил Наташку, стал не нужен ему сын, так уйди! Честно, прямолинейно расскажи и уйди. Зачем же так-то уж...

– Прошу вас, Ирина, заходите. – Светлана пошире распахнула двойные стеклянные двери в гостиную. – Посидим, поговорим. Думаю, мне есть что сказать вам.

Сказать особо ей было нечего. Десять минут она с трогательным упоением вспоминала о том, как любила, холила и лелеяла милого Геночку. Потом плавно перешла к его семейным проблемам, странным образом ускользнувшем от внимания Ирины и Стаса. Затем грациозно переплела длинные ноги, выставив их почти на середину комнаты, нате, мол, лю-

буйтесь, как у меня все складно и без изъянов, и говорит:

– Теперь вы понимаете, что именно погубило Гену?

– Нет, не понимаю. – Ирина осторожно пристроила чашку с почти нетронутым чаем на банкетный столик, выпрямилась и с вызовом заглянула в несчастные небесной голубизны глаза.

– Это она, Ирина! Она погубила его! Она ведь... – Светлана приложила кончики пальцев к глазам. – Она ведь так его ненавидела! После того что случилось с их сыном, она просто обезумела. Она приходила сюда и устраивала сцены! Врывалась ко мне в кабинет на работе. Однажды довела до истерики одну мамашу! Считала нас с Геной виновными в смерти сына...

– А вы не виноваты? – перебила ее Ирина, прищурившись зло и со значением. – Понимаете, как-то уж больно много совпадений.

– Это вы о чем? – Блондинка насторожилась, тут же подобрала ноги, по примеру гостьи выгнула спину дугой и, скрестив на коленных чашечках длинные пальцы, снова спросила: – Это вы о чем, не пойму?

– А что тут непонятного!

Ирина даже обрадовалась тому, как удачно хозяйка сама подвела ее к интересующей теме. Вот сидела бы она, мучилась, не знала, как подступиться при таком-то гостеприимстве. Тянула бы безвкусный чай с каким-то приторным травяным ароматом. Крошила бы в пальцах печенье, которое в

горло не лезло. Слушала бы историю чужого запретного счастья и подстерегала бы момент, когда возможно было вцепиться этой красотке в глотку, начав слово за словом извлекать оттуда правду. А момента ведь могло и не случиться, так и ушла бы ни с чем. А тут Светлана возьми и сама перепрыгни в нужную колею. Теперь уж она не отступится ни за что!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.